

Ирина Лобусова

катакомбы
Военного спуска

Одесса

РОМАН «КАТАКОМБЫ ВОЕННОГО СПУСКА»
ДЕСЯТЫЙ В СЕРИИ «РЕТРОРОМАН»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ

• • •

...1930 ГОД. ТАНЯ АЛМАЗОВА, ВОЛЕЮ СУДЬБЫ
ВОЗГЛАВИВШАЯ БАНДУ ГРАБИТЕЛЕЙ И «РАБОТАВ-
ШАЯ» ЕЩЕ ПРИ МИШКЕ ЯПОНЧИКЕ, НАЧИНАЕТ
ПОНИМАТЬ, ЧТО БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА ЗАКОНЧИЛИСЬ:
ИСЧЕЗЛИ «ВОРОВСКИЕ ЗАКОНЫ», ВМЕСТО НИХ
ПОЯВИЛИСЬ «ВОРОВСКИЕ ПОНЯТИЯ». А ЭТО СОВСЕМ
ДРУГОЕ. ТАНЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ СТАРАЕТСЯ НЕ
ВМЕШИВАТЬСЯ В ВОЙНУ МЕЖДУ «СТАРЫМИ» И
«НОВЫМИ» БАНДИТАМИ, НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ОТ
НЕЕ НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ: ПОЯВЛЯЕТСЯ КАКАЯ-ТО
ТРЕТЬЯ СИЛА, СОКРУШАЮЩАЯ ВСЁ И ВСЕХ...

FOLIO

Ретророман

Ирина Лобусова

Катакомбы военного спуска

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Катакомбы военного спуска / И. И. Лобусова — «ОМИКО»,
2019 — (Ретророман)

...1930 год. Таня Алмазова, волею судьбы возглавившая банду грабителей и «работавшая» еще при Мишке Япончике, начинает понимать, что былые времена закончились: исчезли «воровские законы», вместо них появились «воровские понятия». А это совсем другое. Таня изо всех сил старается не вмешиваться в войну между «старыми» и «новыми» бандитами, но, к сожалению, от нее ничего не зависит: появляется какая-то третья сила, сокрушающая всё и всех...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019
© ОМИКО, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Игоревна Лобусова
Катаомбы Военного спуска
Роман

Глава 1

**В последнем вагоне. Капризный внук.
Слесарь. «Бетонные боты» Сидора Блондина**

3 января 1930 года

Несмотря на то что окно было забито намертво, гарь оседала на стеклах даже внутри. Стоило лишь прикоснуться рукой, и черные полоски грязи оставались на рукаве. В поездах всегда были грязные стекла.

Черный шлейф копоти из поездной трубы отчетливо просматривался над белыми верхушками деревьев сквозь более прозрачную полоску окна, расположенного как раз под поездной трубой. Еще не стемнело окончательно. Морозный закат покрасил свинцовое, тягучее небо над лесом в цвет снега, точно такого же, какой лежал на ветвях деревьев. Это было бы невероятно красиво – тающий, черный дым на белом, если б не вызывало тревогу. Это острое чувство, жестокое и внезапное, как спазм, портило все, не только пейзажи за окнами. Тревога, переходящая в страх, душила, как шарф, туго сдавивший горло, не давая сделать ни шагу в сторону. Как в избитой лагерной поговорке: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству. Приравнивалось к расстрелу. Там стреляли без предупреждения. Но здесь... Здесь было страшней.

Здесь, по сравнению с этим растянутым, надсадным чувством тревоги, расстрел казался избавлением – от всего.

Это раньше представлялось, что нет ничего ужаснее черного жерла направленного на тебя ствола, откуда мгновенно могла вылететь пуля. Теперь было ясно и без всяких сравнений, что есть вещи гораздо страшней.

Не успокаивал даже стук колес поезда. Механический, привычный, жесткий, словно кто-то стучал по костяной клавиатуре, созданной из костей невероятного чудовища, он всегда казался предвестником свободы и действовал как возбуждающий энергию напиток. Так было раньше. Но не сейчас.

Сейчас стук колес поезда напоминал стук комьев земли о крышку гроба. И самым страшным было то, что не было никакой ясности, кто именно погребен под этой землей и чей это гроб...

Он остановился у окна, напряженно всматриваясь одновременно в темнеющий проплывающий мимо пейзаж и в бесконечность пустого большого вагона, где не было ничего, кроме запертых дверей купе. Это умение развили в нем долгие годы бегства, когда расплатой за подобные тренировки была сама жизнь.

Опасность он всегда ощущал шестым чувством, подобно диким зверям, не раз оставлявшим в кровавом капкане клочки собственной шерсти и кожи. И вот теперь это чувство опасности буквально зашкаливало, топило его с головой. Он не мог дышать, не мог сойти с места, не мог взглядывать в глубину пустого коридора без того, чтобы внутри, в самых глубинах памяти, не испытывать болезненный ожог.

Наверное, так случилось потому, что этот поезд тоже был бегством, дорогой из ниоткуда в никуда, на который не продавались билеты, ведь никто не мог предугадать конечную остановку.

Последний вагон. Отправляясь в длительное, особо опасное путешествие, он всегда покупал билет в последний вагон. Это было безопасно – с любой точки зрения. Из последнего

вагона всегда был выход в темноту ночи. Можно было выпрыгнуть на рельсы при малейшей опасности, появившейся в глубине коридора, при любом шуме, донесшемся спереди.

Он всегда путешествовал только так, в последнем купе последнего вагона. И эта привычка, которая вырабатывалась долгие годы, не раз и не два спасала ему жизнь.

Однажды он сумел уйти от погони прямо в ледяной тайге, даже без верхней одежды, и шел до утра по рельсам до ближайшего населенного пункта. Как он не замерз по дороге и ничего себе не отморозил – не понимал до сих пор. Это была невероятная победа – тот долгий путь в ледяной夜里. Он выжил. И, вспоминая об этом, понимал – значит, выживет и теперь.

К тому же здесь не было тайги. Всего лишь степь в Центральной Украине. Поблизости много сел, все они расположены вдоль железнодорожного полотна. И мороз... Ну какой тут мороз, по сравнению с сибирским! Смешно прямо. А значит, ничего не стоит спастись, если будет надо.

Немного успокоившись этой мыслью, он вздохнул поглубже, наполняя легкие сомнительным свежим воздухом. А затем двинулся с места, решительно намереваясь все-таки осмотреть коридор с обеих сторон до конца.

Поезд был переполнен. Из-за закрытых дверей купе доносились громкие голоса. Где-то двери были открыты, и можно было рассмотреть ехавших людей. Они сидели на нижних полках, лежали на верхних, ели какие-то припасы, содрав с них газету, резались в карты или домино, рассказывали друг другу длинные бородатые анекдоты в попытке убить километры пути, сделать их более незаметными, приближенными к собственной, примитивной сущности, не понимая и не принимая, что дорога властвует над всем. Безраздельно правит в этом замкнутом пространстве, царящем над жизнями людей, как жестокий первобытный властелин.

Он быстро пошел по коридору, держась за поручни и слегка пошатываясь в такт стуку колес. Поезд набрал скорость, близких остановок не предвиделось, и можно было сквозь ночь мчаться в бесконечность.

По обеим сторонам железнодорожного полотна мелькали чахлые пролески с высокими, крытыми снегом деревьями. За пролесками виднелись бесконечные чернеющие поля, с которых местами сошел снег.

Вот и тамбур, ведущий в предпоследний вагон. В нос ему резко ударила папиросная вонь. Как и везде, тамбур использовали под курилку, и в воздухе еще плавал сизый дым дешевых, вонючих папиро.

Он брезгливо поморщился. Запах дешевого табака вызывал у него неприязнь, отвращение. Слишком много этого дешевого табака было на его жизненном пути в сквозных лагерных бараках, во всех тюрьмах, которые он прошел. Не для того он проделал весь этот путь, чтобы нюхать дешевый табак!

В тамбура никого не было. Громко хлопала раскрытая дверь. Он аккуратно прикрыл ее. Стук прекратился. Отлегло от сердца. Ничего подозрительного здесь нет. Никто не станет свеститься ранним вечером, подумал он, когда каждое купе набито битком, и никто не спит. Никто не станет совершать такой бессмысленный поступок и рисковать на глазах всей этой кучи свидетелей, которые только и делают, что глазуют по сторонам.

Можно пройти незамеченным в любом месте, но только не в поезде, где люди маются от безделья, и от скуки замечают даже такие мелочи, на которые и не взглянули бы при обычных обстоятельствах.

А раз так, убивать его в поезде никто не будет. Можно расслабиться, вернуться в свое купе, хорошо запереться изнутри и дождаться утра. А утром он будет уже далеко – там, где никто его не сможет найти: на станции, где он сойдет за одну остановку до той, куда куплен билет. Это тоже сделано специально. Он покинет этот поезд ровно в 6 утра, и будет абсолютно недосыпаем для всех. Далеко от Одессы, от страшной тюрьмы, от гнетущего чувства опасности и жестокой тревоги, заковавшей в тесные оковы его душу с такой силой, что при малейшем

сотрясании оковы эти буквально разрывают живую плоть. С таким грузом жить невыносимо! Все, что он сделал, он сделал для того, чтобы больше никогда не вернуться к прошлому. Завтра он станет свободным...

Он распрямил плечи, вздохнул. Промелькнула шальная мысль заглянуть в вагон-ресторан, но он тут же отбросил ее от себя. Нет, светиться не стоит. Чем меньше он будет показываться на публике, тем лучше.

Быстро прошел коридор, как бы невзначай заглядывая в открытые двери купе. Вот и его – последнее в этом вагоне. Целиком и полностью – он всегда покупал билеты на все четыре места, чтобы ехать одному. Одиночество успокаивало его даже в обыденных ситуациях, не только в моменты тревоги.

Заглянул и в свое купе. Оно было пустым. На нижней полке белела приготовленная заранее постель. В окно был виден желтый диск луны, уже появившейся над пролеском. Ему вдруг показалось, что луна отливает каким-то кровавым оттенком. Но он быстро отогнал эту мысль от себя.

Он вошел. Задернул штору. Не включая свет, тщательно закрыл дверь. Щелкнул замок.

Вагон-ресторан был полон, почти все столики были заняты. В воздухе стоял устойчивый запах еды и крепкого алкоголя. Несмотря на ранний вечер, кое-где уже заказывали водку.

Фирменным блюдом в вагоне-ресторане были котлеты «Особые», которые любой дотошный посетитель без труда опознал бы как котлеты под названием «Школьные» из самой простецкой столовой. Делали их из хлеба и ингредиентов совершенно непонятного происхождения. Да оно и к лучшему: после знакомства с этими ингредиентами любой бы потерял аппетит. Поэтому в столовых стоили такие котлеты дешево, в отличие от вагона-ресторана поезда, где тройная наценка превращала средний продукт советского пищепрома в настоящий деликатес.

За одним из ближних к выходу столиков бабушка уговаривала внука лет шести съесть эту самую котлету с картофельным пюре. Впрочем, безуспешно. Внук капризничал, отодвигал тарелку от себя, фыркал и плевался. Раскрасневшись, бабушка с усилием пыталась всунуть в него хоть ложку, безнадежно размазывая картофельное пюре по щекам ребенка.

Дверь отворилась, пропуская мужчину в рабочей одежде с деревянным ящиком для строительных инструментов, в котором можно было разглядеть молоток, пилу, коробку с большими гвоздями, мотки веревки, какие-то другие приспособления... Он остановился, с сожалением рассматривая переполненный ресторан. Все столики были заняты, кроме одного – с бабушкой и внуком, там оставалось еще два свободных места: было очевидно, что никто не хочет соседствовать с капризным и шумным ребенком.

Мужчина подошел к столику и вежливо спросил:

– Вы позволите присесть к вам, мадам?

– Ах, да садитесь вже, вэйз мир! – в сердцах ответила бабушка.

Мужчина поставил рядом ящик с инструментами. Тот звякнул. Ребенок от неожиданности уставился на соседа, и бабушка, не растерявшись, умудрилась мгновенно всунуть целую ложку пюре в раскрытый от удивления рот. Поняв, что выплевывать уже поздно, застигнутый врасплох таким натиском, мальчик принял жевать и глотать, при этом зло посматривая на бабушку и явно соображая: зареветь или не зареветь.

Подмигнув ему, мужчина ушел делать заказ и через какое-то время вернулся с тарелкой такого же картофельного пюре и дежурной котлетой. Как-то удивительно грациозно присел за столик и, достав из кармана льняную салфетку, расстелил на коленях. У бабушки округлились глаза.

– Вы из Одессы едете, мадам? – улыбнулся он, увидев ее явное недоумение.

– Из нее... А вы за куда? – Бабушка была рада поддержать разговор, ведь с появлением соседа за столиком внук хоть немножко угомонился.

— А я работаю здесь, в поезде, — ответил мужчина, — слесарем. Вот, вызвали починить двери купе в последнем вагоне. Сломалось что-то там.

— Как интересно! Никогда бы не подумала за то, что в поездах в комплекте слесарь!

— Это же фирменный поезд, а внутри вечно что-то ломается, — доброжелательно отозвался мужчина, принимаясь за котлету.

— За вас такие манеры... — не выдержала бабушка. — Маневр ще тот! Невже вы слесарь? Не смешите мои тапочки, как за то говорят! Вы — сплошная картина маслом!

— Вы правы, мадам, — грустно вздохнул сосед. — До революции и войны служил в мужской гимназии. Потом родители уехали. Я один остался. И покатилась дорожка... Я мастерству по дереву в гимназии учил. И вот, стал и слесарем, и плотником. Каждый выживает, как может.

Почувствовав, что интерес к нему явно потерян, мальчишка прямо на скатерть вывернулся кусок котлеты и тут же попытался зареветь во весь голос.

— Ах ты ж гойкин шлимазл! — покраснела бабушка. — Вот, женился мой халамидник на гойке-голодранке, и что получилось...

— Подождите! — улыбнулся сосед. Он достал из сундука какие-то инструменты, небольшую деревянную дощечку и два гвоздя. — Давай-ка попробуем с тобой вырезать елочку... Вот так... — обратился он к ребенку.

Острие заскользило по дереву, как по маслу. Мальчишка тут же прекратил реветь, схватился за удивительные предметы и даже не заметил, как остатки пюре с котлетой оказались у него во рту.

— Ух! — Бабушка вытерла пот, скормив ему последнюю ложку. — Умеете вы обращаться с детьми! У самого, небось, несколько?

— Нет, — мужчина перестал улыбаться, — детей у меня нет. Да я и женат не был никогда.

— А шо так?

— Судьба — дорога такая по жизни. Раньше некогда было, а теперь... Бродяга я и есть бродяга! — Он махнул рукой.

— Ой, вы такой интересный мужчина! — разулыбалась бабушка. — Шо вы за то говорите? Вот у меня девочка на примете есть... Такие приличные родители...

— Благодарю, мадам! Как-нибудь в другой раз, — резко оборвал он ее.

И, оставив ребенку дощечку, мужчина собрал свои инструменты, снова грациозно поклонился и исчез в дверях вагона-ресторана.

5 января 1930 года, Одесса

Привычную ночную тишину разорвал стук в дверь. Чертыхнувшись, следователь Петренко потянулся к часам, лежавшим на тумбочке рядом со стаканом с водой — оставлять его на ночь было его многолетней привычкой, а откуда она взялась, он и сам не знал.

Поднявшись, он щелкнул выключателем лампы. Тусклый свет ночной лампы осветил привычную домашнюю обстановку. И конечно Петренко, встав, тут же опрокинул стакан с водой на себя.

Чертыхаясь и отплевываясь, он стащил с себя мокрую майку и с раздражением отшвырнул ее в угол. Лампа освещала часы, висящие на стене. Было начало четвертого утра. Если совсем точно — семь минут четвертого.

Стук продолжался. Петренко распахнул двери. На пороге стоял заместитель начальника всего Угрозыска города.

— Велели срочно тебя привезти, — не здороваясь, произнес он. — ЧП у нас. Продолжение вчерашнего. Так что одевайся и выходи вниз. В машине жду.

Продолжение вчерашнего... Сон сняло как рукой. Метнувшись в комнату, куда и сон девался, Петренко быстро стал надевать форму. Проверил пистолет, щелкнув затвором. Из

ящика письменного стола достал патроны. Потушив лампу и даже не оглядываясь на раскрытую постель, пулей вылетел из квартиры.

Этой ночью Петренко добрался до своей квартиры лишь после полуночи и, едва успев раздеться, рухнул на кровать. Он смертельно устал и почти мгновенно провалился в черную бездну из всяких сновидений, которые преследовали его в последние дни.

Но даже такая бездна усталости вместо сна, похожая на прижатую к лицу пышную подушку, не принесла облегчения, и особенно в эту ночь, когда в начале четвертого утра он был уже на ногах.

Целый день до самого вечера Владимир Петренко провел вместе со следственной бригадой в небольшом поселке Фонтанка под Одессой. Там в море местные рыбаки нашли труп... Но не простой.

Несмотря на то что стоял январь, море не замерзло – сильных морозов не было. Оно было спокойным, и рыбаки рискнули выйти на улов. Недалеко от берега спустили якорь. Он за что-то зацепился. Когда стали поднимать, вытащили то, что поставило на уши весь уголовный розыск Одессы и Петренко лично – как начальника отдела по борьбе с бандитизмом, ведь подобные дела были его прямой профессиональной обязанностью.

Это был труп молодого мужчины, не старше 30 лет. Он был почти голым, из одежды на нем были только черные трусы без всяких штампов и меток.

Ноги мужчины были поставлены в металлический тазик и залиты цементом. В таком виде его и опустили на дно. Всплыть он не мог и заживо захлебнулся, наглотавшись морской воды. По словам эксперта, тело пробыло в воде меньше суток и оно не успело серьезно пострадать, поскольку с момента смерти до его обнаружения прошло не так много времени.

На левом плече мужчины и на руке Петренко обнаружил несколько наколок, свидетельствующих о его тюремном прошлом. А присмотревшись повнимательней, не мог сдержать удивленного восклицания:

– Да я ж его знаю! Это же Сидор Блондин!

Действительно, у мужчины были светлые волосы. Обсохнув, они стали стремительно светлеть.

– Поясни, – нахмурился начальник уголовного розыска.

– Сидор Блондин – налетчик из банды Червя, – начал объяснять Петренко. – В последнее время у нас в работе налет Червя на кассу взаимопомощи при автомобильном тресте. По моим сведениям, Сидор Блондин тоже участвовал в этом налете. Он – бык, пацан Червя. Ну, в смысле, его приближенный каратель, если перевести на обычный язык. Налетчик, исполнитель приговоров. Две ходки в лагеря. Не понимаю...

– Чего ты не понимаешь? – выдохнул начальник угрозыска.

– За что его так? Как ссученного? – Петренко вскинул на него удивленные глаза и пожал плечами. – У Червя хорошие отношения с Тучей и со всеми остальными ворами! Это прямой удар Червю под дых. Если только...

– Если только? – нахмурился начальник.

– Если только не сам Червь его порешил. Но для этого должны быть очень серьезные причины, – пояснил Владимир.

– А способ казни? Залить цементом, и в воду, на дно? Это еще что? – вступил заместитель начальника.

– Это называется «бетонные боты», и в последнее время они появляются в среде таких, как Червь и Сидор Блондин, все чаще и чаще, – ответил Петренко. – Местное изобретение. Используется во всех местах, где есть водоемы. У меня это уже третий случай. Да вы должны помнить два предыдущих!

– Помню, – кивнул начальник, – раскрыли довольно быстро, если не ошибаюсь.

– Ну да, – согласился Петренко. – Первый был крысой, воровал у своих, его и утопили в ставке под Кучурганами. А второй настучал на подельника, после чего мы закрыли троих из банды. Оставшиеся выследили его и отправили в «бетонных ботах» в Лузановку.

– То есть это казнь, – задумчиво произнес заместитель.

– Показательная казнь, – кивнул Петренко. – И довольно жестокая. Смертника по приговору вышестоящих, который огласили на сходе воров, ставят в таз, заливают ноги цементом, а затем бросают в какой-нибудь водоем – море, болото, ставок… Смерть жуткая и мучительная. Но я не понимаю… – Он снова пожал плечами. – Сидор Блондин не был ни крысой, ни сукой, то есть стукачом… Он пользовался уважением в своей среде, среди блатных…

Расследование в Фонтанке длилось очень долго. После холодного январского берега моря оперативники в конце концов переместились в кабинет Петренко, где согревались горячим чаем.

У Владимира была довольно подробная картотека, в которой фигурировали и Червь, и Сидор Блондин. В странном деле не было никаких зацепок, и по опыту Петренко уже знал, что такие вот дела с загадками бывают самыми тяжелыми и страшными.

Обо всем этом он и думал, сидя в машине, быстро катившей по ночному городу.

– В городе началась война банд за передел, – мысли Петренко прервал заместитель начальника угрозыска. – Кто-то стравливает их.

– Куда мы едем? – нахмурился Владимир.

– На Сортировочную. Туда вагон подогнали. Отцепили от поезда. Мы потребовали. Это, так сказать, иллюстрация к моим словам. Ты должен на все это посмотреть. И чем скорее, тем лучше.

Глава 2

Канун Рождества. Новый виток романа. Деньги под абажуром. Беда Тучи

6 января 1930 года, Одесса

Снег начал идти к вечеру. В темноте редкие снежинки были похожи на чванливых балерин, брезгующих показывать свое высокое искусство перед незатейливой публикой. Медленно и надменно кружась, они плавно опускались на землю, словно танцуя фантастический танец, состоящий из сложных пируэтов.

Вначале это было красиво. Снежинки блестели в свете ночных уличных ламп. И можно было, прижимаясь лбом к ледяному оконному стеклу, увидеть каждую из них, с красивым трагизмом навсегда уходящую в темноту, вниз.

Но так продолжалось недолго. Потом началась метель. Какие там балерины – снег повалил сплошным потоком, накрывая город белой пуховой периной, сплошной, плотной, не рассыпающейся от прикосновения рук!

К вечеру усилился ветер. И Одессу основательно замело буквально за час. Улицы опустели. Не было слышно ничего, кроме завывания ветра, который, как изголодавшийся волк, шастал в поисках добычи по опустевшей, совершенно обездевшей земле.

А в комнате было хорошо и тихо. Поплотней закутавшись в шаль, Таня прижималась лбом к ледяному стеклу, стараясь унять бешеные, тревожные мысли, так похожие на беснующуюся метель за окном.

Уютно потрескивали дрова в «буржуйке». Ее черная дверца была слегка приоткрыта, и отблески пламени бликами падали на старый паркет, меняя свои цвета с удивительной скоростью, как стекляшки в детском калейдоскопе. Но Таня на них не смотрела.

Она специально повернулась спиной к комнате, стараясь не глядеть на стол. Ничего, ничего не должно было ее отвлекать. Но тут скрипнула дверь. На этот неожиданный звук Таня поневоле обернулась. Дверь отперли своим ключом – это мог сделать только один человек.

Как некстати это было именно сейчас! Какую жестокую шутку сыграла злая судьба в этот вечер! У Тани мучительно сжалось сердце – все повторялось, как в страшном сне. Словно опять был калейдоскоп, только на этот раз уже не детский, с цветными стекляшками, а с отблеском адского пламени, страшные зубья которого пожирали живую плоть.

Фыркая и отряхиваясь от снега, в комнату ввалился Володя Сосновский. Весь он был белоснежным, словно закутанным в саван. Единственный человек, которому Таня дала ключ от своей комнаты...

Как она могла это сделать, Таня давно уже перестала понимать. Просто однажды отдала Володе его сама, и это означало... Ни Таня, ни Володя так и не поняли до конца, что это могло означать.

Их роман, словно с новой силой вернувшийся к истокам, давно перерос бешеные вспышки страсти и то неистовство кипящей крови, когда-то бросавшие их друг к другу в объятия. Их отношения вышли на новый, более духовный уровень, став всегда удивлявшим Таню странным единением душ. Это превращало в волшебство самые обыденные вещи.

Так же удивительно и волнующе, как когда-то заниматься любовью, было сидеть вдвоем в темной комнате, держась за руки, и молчать – ни о чем. Это наслаждение от прикасания к чужим мыслям наполняло душу ее таким невиданным восторгом, что мир словно остановли-

вался, замерев в самую изумительную секунду. И Таня даже боялась дышать, чтобы не спугнуть это волшебство.

Она всегда читала мысли Володи словно открытую книгу. Он был единственным мужчиной в ее жизни, с которым у нее это происходило. И Таня замирала от ужаса, только подумав о том, что все это может прекратиться в любой момент. А в том, что это прекратится, она не сомневалась ни секунды. Уж слишком печальным был опыт ее прожитой жизни. Таня ранила душу до крови, словно шла босиком по острым камням прибрежного волнореза, когда вспоминала свое прошлое.

Роман с Володей, переросший пьянящие восторги любви, годы страдания, ненависти, боль, был теперь, по ее определению и чувствам, чуть мерцающей отдушиной, из которой исходило удивительное тепло. И это тепло согревало даже в такие моменты, когда не могло согреть самое горячее пламя.

А потому Володя все чаще и чаще приходил в ее комнату и в ее жизнь и оставался до утра, и на следующие сутки был в ее комнате и в ее жизни. И Таня прекрасно знала: что бы дальше ни произошло с этими воскресшими чувствами, место Сосновского в ее душе уже никто и никогда не сможет занять.

Это напоминает шрамы на коже, ведь каждый остается до конца жизни. Но иногда так бывает и с людьми.

– Ну и метель сегодня! – отфыркиваясь, Володя снимал пальто и фуражку, развешивая все это на вешалки возле «буржуйки». – Еле к тебе добрался! Кошмар! Думал, уже не дойду. Трамваи в городе вообще не ходят. Ничто уже не ходит. Одно счастье, что недалеко.

Сумку с продуктами он поставил на пол – Сосновский никогда не приходил к Тане с пустыми руками.

Развесив одежду, отряхнувшись, стащив промокшие ботинки, Володя только теперь заметил, что в комнате темнота, а силуэт Тани отчетливо выделяется на фоне окна, из которого падают блики тусклого уличного света.

– А что ты в темноте стоишь, Танюш? – Он потянулся к выключателю. Вспыхнул яркий цветастый абажур над столом. – Ты себя хорошо чувст...?

Сосновский резко замолчал. Голос его, минуту назад звучавший бодро, доброжелательно, вдруг упал, сорвался и пропал совсем. Обернувшись, Таня увидела, как его глаза с интересом расширяются, увеличиваются все больше и больше и при этом меняют выражение. И она не смогла бы в словах описать это выражение.

Не отрываясь, Володя смотрел на стол, покрытый камчатой коричневой скатертью с набивными цветами. На нем лежали деньги. Много новеньких пачек в банковской упаковке. Очень много пачек – они занимали почти весь стол. А еще царские червонцы,ставленные в столбик, несколько массивных столбиков... Немыслимое количество всех этих денег могло поразить любое воображение...

– А это... что? – Володя наконец смог заговорить. – Что это? Откуда ты все это взяла?

– Деньги не мои, – с трудом сдвинувшись с места, Таня подошла к столу. Она словно возвышалась над всей этой грудой денег, словно была выше нее.

– А чьи? Откуда они у тебя? – Не отрываясь, Сосновский смотрел на нее. Таня отвела глаза.

– Отвечай! – Володя повысил голос.

– Это – общее, – тихо произнесла она.

– Нет... – Словно разом потеряв все силы, Сосновский вцепился в край стола, пытаясь удержаться на ногах. Косточки его пальцев побелели. – Нет! Ты же обещала! Ты же клялась!

– Я ничего тебе не обещала, – глухо, с каким-то отчаянным упорством произнесла Таня, и бешеное пламя, смесь упрямства и страдания, заплясало в ее глазах.

– Ты клялась, что уйдешь, что навсегда покончишь с этой жизнью! – Володя в отчаянии стукнул кулаком по столу. – Ты же сама говорила, что не такая, как они! Ты обещала, что все это останется в прошлом, как страшный сон! Ты сама все это говорила, помнишь? А теперь ты хранишь в своем доме воровской общак!

– Общее… – тихо сказала Таня. – Так правильно говорить. И я не храню.

– Тогда откуда все это у тебя? Как ты объяснишь?

– Я ничего не должна тебе объяснять.

– Да? – воскликнул вне себя Сосновский. – Тогда я сожгу все эти пачки к чертовой матери! – Он распростерся всем телом над столом. В тот же самый момент Таня резко бросилась вперед, вцепилась ногтями ему в руку, да с такой силой, что у него брызнула кровь. От неожиданности Володя отдернул руку, с ужасом увидев, что раны на его коже начинают сочиться кровью.

– Не тронь… – голос Тани звучал так же глухо, – люди доверились мне… Не тронь.

– Люди… – в это короткое, обыкновенное слово Володя умудрился вложить столько презрения, ненависти и боли, что Таня вдруг задрожала.

– Туча в беде, – произнесла она через силу. – Просил помочь. Я помогаю ему. Я не оставлю его никогда. Туча – мой брат, – она смотрела на Сосновского в упор, сурово поджав губы.

– Ты сама не понимаешь, что несешь! – горько усмехнулся он.

Выдвинув из-за стола стул, Таня достала саквояж и меланхолично принялась складывать в одно отделение бумажные пачки, а в другое – ссыпать золотые червонцы. Сосновский молча наблюдал за ней.

– Почему Туча доверился тебе? – спросил он, когда молчание стало уж совсем невыносимым. – Что у него произошло?

– Не важно, – бесстрастно ответила Таня, продолжая складывать деньги.

– Если Туча доверился тебе, значит, кто-то охотится за этим общаком. Значит, он втягивает тебя в очередные неприятности! – воскликнул Володя.

Таня продолжала молчать.

– Я сидел в тюрьме… И я знаю, что говорю, – продолжал он.

– Нет, ты не знаешь, – Таня вскинула на него глаза. – Тюрьма, в которой ты сидел, была такой… Туча кликнул, и с тебя пылинки сдували. Ты хорошо сидел. В отдельной камере, насколько я помню. Так что ничего ты не видел. И ничего ты не знаешь. Это Туча сделал твоё пребывание в тюрьме комфортным. Никто тебя и пальцем не тронул. А вытащила тебя из тюрьмы я.

– Хорошо, пусть так, но ты не понимаешь… – Володя с горечью покачал головой, – что это снова разрушит нашу жизнь! Как уже разрушало! Ничего не будет, ничего не останется! Руины! Ты хочешь этого?

– Не оно разрушало, – с горечью произнесла Таня, – совсем не это.

Деньги были упакованы, щелкнул замок. Она достала из кармана маленький ключ и заперла саквояж.

– Мне сейчас… уйти надо, – произнесла виновато.

– Уйти куда? В метель? – встрепенулся Сосновский.

– Да. Я же не знала, что ты придешь. – Таня пыталась объясниться, ей было очень важно, чтобы Володя понял ее. – А почему ты пришел?

– Могла бы и догадаться, – Володя с горечью посмотрел на нее. – Сегодня сочельник. Я хотел провести Святой вечер с тобой.

– Соchельник! – охнула Таня. – А я и забыла совсем… Из головы вылетело…

– Ну, я рад, что сочельник из твоего детства вылетел, – Сосновский смотрел на Таню с болью. – А вот воровские деньги – нет.

– Перестань, пожалуйста… – на глазах у нее выступили слезы.

– Туча тебя не отпускает? Кто? – Видно было, что Володя хочет ей помочь.

– Никто, – Таня покачала головой. – Если захочу уйти, никто меня не удержит. Наоборот. Но… Но я не могу уйти просто так, когда я нужна! – В волнении она заходила по комнате. – Как ты не понимаешь! Туча в беде. Кто-то сгравливает банды в городе. На него уже было два покушения… Он все время прячется. Ему помочь надо. И ты считаешь, что в такое время я предам своего друга, своего брата? – Таня пристально на него посмотрела.

– Какая беда? – Володя презрительно сморщился. – Ну, перестреляют эти твари друг друга, тебе-то что?

– Туча – не тварь! – угрожающе произнесла Таня. У нее даже голос изменился.

– Туча – вор, – как припечатал Сосновский.

– У воров тоже есть свои законы! – воскликнула Таня, уже не сдерживая себя.

– Неправда, – Володя жестко ответил на ее взгляд. – Свои законы – между собой, среди воров. А по отношению к другим людям… Ты думаешь, они богаче грабят? Они последнее отнимают у таких людей, как мы с тобой! Ложь, подлость, двурушничество у них в крови! Они совершенно другие… другие люди. Не такие, как я. У них все другое. И вот ради них ты готова отдать свою жизнь?

– Ты забываешь, что и я была воровкой, – мертвым голосом произнесла Таня. – А тот, кто однажды стал на воровской ход, не уйдет так просто. И не потому, что не отпустят. А потому, что вот так, как обычные люди, очень скучно жить. И я… я… не могу.

Это была уже не его Таня – милая, родная, любимая… Сосновский это понял и отшатнулся от нее.

Раздался звонок в дверь. Таня пошла открывать и вернулась с тремя мужчинами. Одного из них Володя узнал сразу – как редактор отдела криминальной хроники он внимательно следил за событиями и по-прежнему старался знать в лицо представителей криминального мира Одессы.

Это был Таран, правая рука Тучи, одновременно исполняющий функции начальника его охраны. А кроме того, это был главарь боевиков так называемого штурмового отряда, состоявшего из «быков» и «пацанов», которым Туча отдавал силовые приказы.

Высокий, широкий в плечах, с бычьей шеей и квадратной головой, Таран ходил сильно наклоняясь вперед, и казалось, что он не идет, а прет напролом через любое препятствие. Вот потому и получил он свою кличку – Таран.

Однако, несмотря на такую серьезную и суровую внешность профессионального бойца, он был достаточно сообразительным, схватывал на лету и быстро реагировал на события. Поэтому Туча его очень ценил, ведь исполнитель с мозгами, а не только с тупой силой, был просто незаменим.

Двое остальных, по всей видимости, были простой охраной, рядовыми, ничего не знающими бандитами. Они так и не решились войти в комнату, а неуклюже топтались у самой двери.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Таран, входя в комнату. – Танечка, вы готовы? Все в порядке?

– В полном, – Таня потянулась за каракулевой шубкой. – Да.

– Тогда прошу вас! – Было видно, что Таран буквально стелется перед ней.

– Ты дождешься меня? Я недолго, – Таня обернулась к Володе. В глазах у нее была мольба.

– Нет, – Сосновский верно истолковал ее взгляд. – Мне уже пора.

Он потянулся к еще мокрому пальто, не глядя напялил фуражку.

– Как хочешь, – Таня с горечью поджала губы.

– Да, я так хочу, – он быстро вышел, хлопнув дверью.

Таня потушила в комнате свет, подхватила саквояж и заперла дверь. Возле ворот, весь в снегу, урчал автомобиль – двигатель никто не глушил.

Шофер нервно курил. Один охранник уселся на переднее сиденье рядом с ним, второй – вместе с Таней и Тараном – сзади.

Взревев, автомобиль покатил по уже скользкой дороге, прорезая себе путь мощными фарами сквозь снежную пелену.

– Как он? – Таня повернулась к Тарану, пытаясь хоть что-нибудь прочитать по его лицу. Но оно было абсолютно бесстрастным.

– Сама увидишь, – неожиданно вздохнул Таран через какое-то время. – Без изменений, так же.

– Сход назначен?

– Пока нет. Даты нет, но говорят…

– Что говорят?

– Ты знаешь что… Говорят за Тучу. Плохое.

– Я поняла, – Таня кивнула. – Мы предъяву уберем.

– Ты не понимаешь, – Таран снова вздохнул, – если бы ты могла сказать слово за него…

– Скажу. Туча знает, как сделать.

– Ничего он не знает. Растроился совсем. Он же всегда был… чистый фраер. А теперь…

– Не смей так говорить! – рассердилась Таня. – Просто не смей!

– Ладно, – Таран пожал плечами.

Машина уверенно катила сквозь метель. Ехали не долго. Туча временно переехал в квартиру на Комитетской. Отправив Оксану к родным в деревню и покинув виллу на Фонтане, он поселился в одной из своих тайных квартир, оставшихся еще со времен Японца. Таких по всей Одессе было множество. Это было неписанное правило для авторитетных людей из криминального мира: иметь тайные убежища, о которых знали только самые доверенные люди. Вот для Тучи Таня и была самым доверенным лицом.

У квартиры на Комитетской было несколько преимуществ: располагалась она во флигеле в глубине двора, у нее было два входа-выхода на разные улицы, под ней находился подвал с катаомбами, через которые тоже можно было уйти. И наконец – даже из людей Тучи мало кто знал о существовании этой квартиры. Поэтому использовать ее было очень удобно.

Автомобиль проехал большой двор и остановился возле одноэтажного флигеля. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивалась узкая полоска света.

Таня уверенно поднялась по ступенькам и вошла в незакрытую дверь. Таран с охранниками остались ждать в машине на улице.

Туча сидел за столом в богато убранной гостиной. Как и Японец, он любил роскошь, поэтому все его квартиры были обставлены с максимальным комфортом.

Перед ним стояла наполовину пустая бутылка коньяка и хрустальный бокал.

Несмотря на выпитое, Туча не был пьян. Увидев Таню, он пододвинул ей стул, затем, встав, принес из буфета еще один хрустальный бокал. Налил в него коньяк. Таня молча следила за его действиями, потом, поставив саквояж на стол, села.

– Говори, – Туча помимо воли сжал кулаки.

– Я все проверила, – Таня старалась говорить спокойно. – Не хватает ровно пяти тысяч. – Она помолчала. Затем снова заговорила: – Туча, это беда. Скажут, что ты разбазарил общее.

Ругнувшись, Туча мотнул головой, затем плеснул коньяк в стакан и залпом выпил.

– Кончай пить! – Таня резко отодвинула от него бутылку. – Никто не узнает. Никому не скажу не единого слова! Мы доложим свои пять тысяч – и всё.

– А если сход загутарят завтра? Шо тогда? Ты на себя возьмешь? – кинулся на нее Туча.

– Возьму, если понадобится, – ответила Таня. – Если сход завтра – надо действовать быстро. Очень. Ты знаешь. Все пусти в расход. Обложи данью. Брось любой клич. Но пять тысяч найти надо до завтра. Впрочем, это не самое страшное, Туча.

– А за шо тогда – самое страшное?

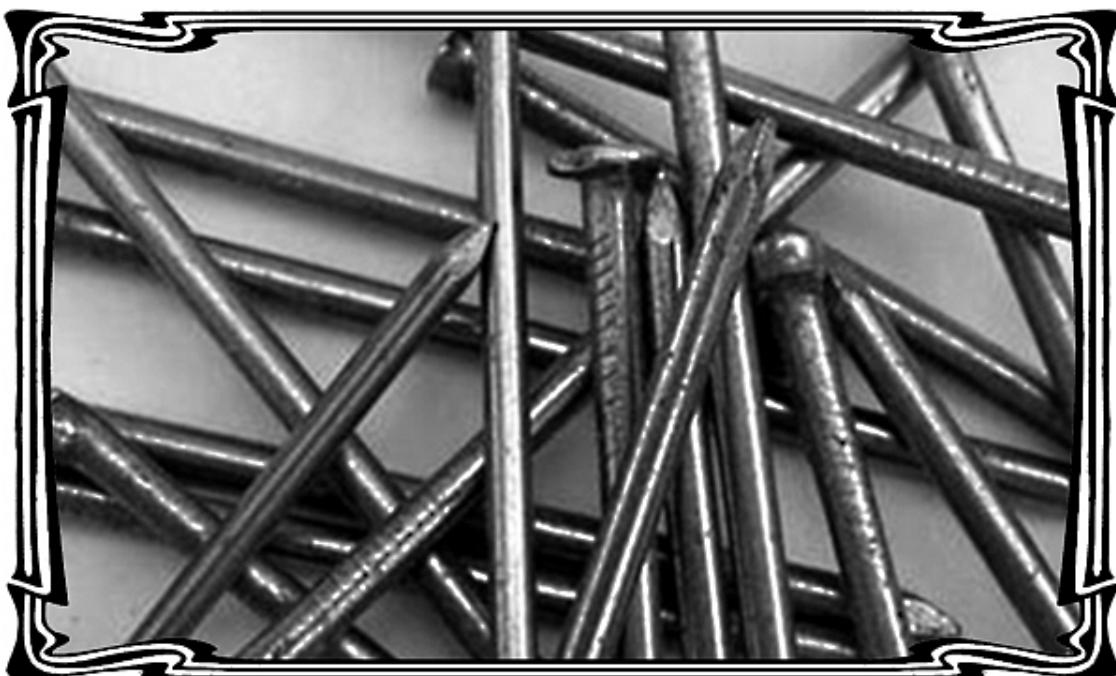
– Найти крысу, Туча. Это надо сделать до схода. Найти крысу – кто взял из общего, и сделать как положено. Тут уже шутки закончились. Ты понимаешь?

– Мы ведь сделали все... Ты за то знаешь.

– Знаю. Но они молчали. И это плохо. Нам молчали. А вот теперь будут говорить.

– Ты о чем? – Туча явно перепугался, у него даже побледнело лицо.

– Мертвые будут говорить, Туча. Иногда мертвые говорят громче живых.

Глава 3

Осмотр места преступления. Лист школьной тетрадки. Разделяй и властвуй. Вскрытие

Рассвет был близок, и последние километры разбитой грунтовки уже осветили свинцовые лучи, падающие из-за грозовых облаков. Может, для кого-то и была настоящая поэзия в этом мрачном, словно сжатом со всех сторон рассвете. Но Петренко разглядел только темные очертания красноармейцев вдалеке, у заграждения, разделявшего в стороны подъездные пути. Красноармейцы стояли там, где заканчивались железнодорожные рельсы.

— Мы вагон отогнали в тупик, — заместитель начальника словно ответил на его незаданный вопрос. — Труп, конечно, увезли. Но все остальное в таком виде... Сам поймешь.

— Заедем в морг? — спросил Петренко.

— Сам поедешь. Мне второй раз на это смотреть неохота.

— Как вагон в Одессу гнали, с трупом?

— Протокол составили, фотографии. Много фотографий. А сам труп — в вагоне-ресторане, на льду.

— Сколько с момента смерти прошло?

— В ночь с 3-го на 4-е его нашли. Сейчас уже 6-е... Значит, двое суток.

Автомобиль затормозил у обочины разбитой грунтовки. Следом за начальством Петренко вылез на морозный воздух. Свинцовые тучи больше не пропускали даже лучика солнечного света. Было понятно, что сейчас пойдет снег.

К ним поспешил молоденький красноармеец. Начальство ушло с ним. Шофер закурил, отвернувшись в сторону. Вагон отчетливо был виден на железнодорожных запасных путях, вплотную примыкавших к депо.

Поскольку никто не препятствовал, Петренко подошел к вагону вплотную. Это был самый обыкновенный вагон — новый, из партии последних, недавно выпущенных. На нем еще отчетливо была видна свежая краска, не тронутая гарью поездных труб. Только несколько окон — те, которые находились прямо под трубой, были закопчены. Да, в общем, эта копоть была заметна не так, как на поездных мастодонтах, настоящих мамонтах ушедшей железнодорожной эпохи, кое-где все еще остававшихся на путях.

Петренко внимательно рассматривал крепления вагона, когда к нему подошел заместитель начальника угрозыска в сопровождении красноармейца с винтовкой.

— Все в порядке, — сказал он, — с их командиром согласовал.

— Долго они будут стоять? — полюбопытствовал Петренко, глядя на живое ограждение из солдат на запасных путях.

— Пока мы все экспертизы не проведем и не дадим добро на то, чтобы вымыть вагон. С недельку еще, наверное.

— Это последний вагон в поезде был, так? — спросил Владимир, явно пытаясь показывать, что не терял времени даром.

— В точку! Наблюдательный, — хмыкнуло начальство.

— Поэтому так и удалось легко его открепить. Заметил по креплениям, — сказал Петренко. Следом за коллегой он залез в вагон. Красноармеец остался снаружи.

— Последнее купе... Недолго шли, — начальник распахнул дверь.

Было уже светло, но он все равно достал два фонаря и один протянул Петренко. И сразу им бросился в глаза столик у окна между двумя нижними полками, густо залитый уже загу-

ствшей, ставшей совсем черной кровью. Кровь была везде – и на полу, и на нижних полках. И как странно: на одной нижней полке оставалось не смятое, расстеленное постельное белье...

– Он что – не спал? – спросил, вернее утвердительно сказал Петренко.

– Не успел, – кивнул замначальника.

– Ну и кого убили?

– Черненко Антон Евсеевич, 1893 года рождения, уроженец Херсонской губернии, села Жовтое, из малороссийских крестьян.

– Ох нет!.. – Петренко изменился в лице. Если б мог, он бы просто рухнул на полку: – Ну это же... Нет! Вы документы проверили?

– Сомнений нет. Документы были при трупе, в дорожной сумке. Это он.

Черненко Антон Евсеевич, уроженец села в Херсонской губернии, был тем самым человеком, которого никто в жизни никогда не называл по имени и отчеству – за исключением судьи, судебного следователя и работников уголовного розыска. Это был главарь одесской банды по кличке Червь, и это его подчиненного по кличке Сидор Блондин Петренко осматривал в селе Фонтанка в «бетонных ботах».

Убийство Червя, бандитского главаря, было событием, выходящим из ряда вон... Петренко понимал это прекрасно, точно так же, как и его начальство.

– Тридцать семь лет? – посчитал Петренко.

– Тридцать шесть, – уточнил его коллега, – тридцать семь Червю должно было исполнится 5 апреля. До своего дня рождения он не дожил.

– Как его убили? – нахмурился Владимир.

– Вот это самое интересное! Фото с места события, так сказать. Возьми, – и заместитель начальника угрозыска протянул Петренко несколько фотографий, на которые тот уставился с серьезным профессиональным интересом.

Труп лежал на спине на столике в абсолютно неестественной позе – было видно, что тело так специально уложили. Руки его были подняты чуть выше головы, ладонями вверх, они были прибиты к столику. В них были вбиты по два огромных гвоздя, настоящие штыри – это и удерживало тело в таком положении.

Рот покойного был раскрыт. Во рту – кровавая бездна. Горло перерезано – от уха до уха. Вместо глаз зияли кровавые раны, из которых, как картина из жуткого сна, тоже торчали большие гвозди. Они были меньше тех, что были вбиты в ладони, но все равно их размер выглядел достаточно впечатляющим.

– Ему отрезали язык, вбили гвозди в глазницы, в ладони и в уши. Отрезанный язык вставили в рану на горле, – сухо сообщил замначальника.

– Я так понимаю, все это сделали при его жизни, – произнес Петренко, стараясь сдержаться.

– Верно. Убийца сначала отрезал ему язык – чтобы не кричал. Затем прибил ладони к столику, чтобы зафиксировать тело. Видишь, гвозди по размеру отличаются от всех остальных.

– Это просто крепления, – кивнул Петренко, – в них смысла нет. Смысл есть в том, как лежат руки. Он словно сдается: поднял их вверх.

– Да, – продолжил его коллега, – после рук он вбил гвозди в глаза и в уши. А уже после этого ножом перерезал горло. И в рану вставил язык.

– Чтоб не болтать... – задумался Петренко, – он болтал. Имеющий очи да не увидит, имеющий уши – да не услышит...

– Верно, – замначальника бросил на него испытующий взгляд, – именно это и было написано в записке! Но как ты догадался?

– А ну покажите записку! – оживился, но тут же смущился Петренко. – Да просто избитая фраза... Часто говорят. Кажется, даже цитата из Библии, но я не уверен точно. Библию никогда

не читал. Но фразу слышал. И догадался... Судя по вагону, Червь жутко боялся преследования, он от кого-то бежал. Знал, что его ищут. И принимал меры предосторожности.

– Из чего это следует? – не понял коллега.

– Из вагона! – воскликнул Петренко. – Сами посудите: из последнего вагона легче сбежать. Червь боялся, что его могут убить, поэтому и выбрал последнее купе последнего вагона. Бандиты часто так делают. Так сказать, опасный опыт – на своей шкуре.

– Верно, – снова согласился коллега. – А записка – вот она.

Он протянул Петренко листок бумаги в клеточку, судя по всему, вырванный из обычной школьной тетрадки. На нем черными чернилами явно перьевой ручкой большими буквами было написано: «ИМЕЮЩИЙ УШИ – ДА НЕ УСЛЫШИТ, ИМЕЮЩИЙ ОЧИ – ДА НЕ УВИДИТ».

Записка была написана грамотно, без единой ошибки. И, судя по почерку, ее писал человек, привыкший к письму.

– Записка на груди были прикреплена маленьким гвоздиком? – спросил Петренко.

– Да... – Замначальника взглянул на Петренко, словно его боялся, – гвоздем прикрепил... К рубашке.

– Это показательная казнь, – пояснил Владимир. – Этой запиской убийца показывал, что убивал не просто так, а исполнял приговор. Да и не убийца это, а палач. Палач, который шел по следу Червя, чтобы привести приговор в исполнение. А вот приговорили Червя свои же – за то, что он совершил очень серьезное преступление против воровского схода... Узнать бы только какое.

– То есть его Туча приговорил?

– Нет, – покачал головой Петренко. – Туча один не правомочен принимать такие решения. Червь был авторитетным, серьезным вором. Если на него была предъявлена сход, должен был разобрать его вину, всем скопом. И тогда уже надо решать, какому наказанию подвергнуть. Судя по всему, вина была очень серьезной.

– Значит, в городе сейчас где-то произошел сход воров, на котором приговорили Червя, а мы ничего об этом не знаем? – Заместитель начальника сжал кулаки. – Так это понимать надо?

– Да, так и понимать! А что вы хотели? – С несвойственной ему наглостью Петренко уставился коллеге прямо в глаза. – У меня сколько людей в подчинении? Правильно, четверо! И я пятый. Вы хотели, чтобы впятером мы переловили всех одесских воров, заранее знали об их сходах? Это даже не смешно! Не смешите мои тапочки, как говорят в Одессе! Когда я вас просил дать мне людей для облавы в Канаве, что вы сказали? Вот то-то же! А теперь... Но и так, своими скромными силами, мы узнали о многом. Например, о большинстве авторитетных воров. А это не так просто, учитывая количество шушеры, которая наползла в город после Японца. Изменились времена!

– Да знаю я все, знаю! – начальство только рукой махнуло. – Да не в укор я тебе говорю, а так... Всухом размышляю. Вот скажи, Петренко, мы создали новое государство рабочих и крестьян, мы побороли бедность, разруху, страшную войну. Так почему мы не можем побороть этих тварей, которые живут по каким-то своим волчьим законам?

– Поборем, обязательно, поборем, – ответил Петренко. – Только здесь не только доблесть, но и хитрость нужна. Мы должны изменить методы. И для начала стать такими же, как они.

– Продажными шкурами, что за копейку мать удавят? – усмехнулся коллега. – Что их толкает грабить и воровать, если не элементарная жадность?

– Э, не скажите, – покачал головой Петренко. – Вы же не с Одессы. Они живут по своим собственным законам. И не все из них продажные твари. Мы должны понимать эти законы, и тогда мы сможем разделить их, ясно вам?

– Не совсем, – сказал заместитель. – Что ты имеешь в виду?

Петренко помолчал, а потом начал:

– Если нам удастся разделить их – тех, кто просто ворует у кого попало и без всяких законов, и тех, кто соблюдает воровские правила и законы, мы получим тех, кто сможет всей этой воровской массой управлять. Да, они будут враждебны и к нам, к советскому государству. Но они смогут управлять всей этой уголовной толпой. А раз так, то, зная верхушку, мы, когда нужно, сможем надавить на нее. И таким образом мы все равно будем управлять ими, только негласно.

– Интересная мысль… – усмехнулся замначальника. – Интересная… И что для этого надо сделать, как ты думаешь?

– Разделить воров. Отделить одних от других. Создать привилегированную верхушку, некий класс, который будет соблюдать воровские правила и управлять всеми остальными. А те, кто управляем и подчиняется правилам, всегда легче и охотней соблюдают закон… Наш закон, понимаете? Будут так называемые воры в законе.

– Вор в законе? Что это за глупое понятие?

– Наше понятие, понимаете? Наше! Не их. Придуманное нами. Мы их будем называть так. А как они там себя сами будут называть – это уже их дело. Конечно, понятие глупое! Как могут быть совместими вор и закон? Никак. Но это будет искусственное название, придуманное государством.

– А знаешь, Петренко, ты не первый человек, от которого я слышу эту мысль, – замначальника даже улыбнулся. – Ты не поверишь, но я слышал ее на самом высоком и серьезном уровне. Есть такое мнение, в самых верхах, что воров надо разделить… И кое-что уже делается…

– Разделяй и властвуй, – усмехнулся и Петренко, – это понятие придумали еще древние римляне.

– Да, я тоже слышал. Но никогда не думал, что оно будет применимо к ворам, – ответил коллега.

– А знаете, что я вам скажу? – Петренко чуть понизил голос. – Кто-то воплощает эту мысль в жизнь прямо сейчас. И смерти, которые мы имеем в последние два дня, – тому подтверждение.

– Не понимаю. Объясни.

– Смотрите сами… Червя и его ближайшего помощника показательно казнили. Причем сделали это так наглядно, как могли. Чтобы объяснить нам – ни кому-то другому, а именно нам, что убили их люди из их же уголовного мира, за преступление такое серьезное, что свои не пощадили своих! Это значит, что воры уже всерьез задумались о своих законах, и просто вдалбливание этих правил всем остальным идет полным ходом. Причем с наглядной демонстрацией. Смотрите, мол, все: кто нарушит наши правила, того ждет точно такая же участь. А значит, то, о чем мы сейчас с вами говорим, не пустые слова. Все это уже воплощается в жизнь и стало реальностью.

– Да, возможно, – заместитель нахмурился, обдумывая что-то свое.

– Давайте-ка вернемся к убийству! – напомнил Петренко. – Как я понимаю, Червь был один?

– Да, он выкупил все купе, – ответил коллега.

– И убийца тоже был один… – задумался Владимир. – Двоев непременно привлекли бы внимание Червя. Это был не тот человек, который пропустил бы появление в вагоне двух мужчин, которые держатся вместе… Сбежал бы сразу – так, что только б пятки сверкали. Значит, один. Кстати, как по мне, весьма любопытный тип! Очень хотелось бы присмотреться к этому палачу и поскорее с ним познакомиться.

– Чем любопытный? – удивленно уставился на Петренко коллега.

– Ну посудите сами! Он сумел, не привлекая внимания, пройти через все вагоны поезда. И его появление не вызвало у Червя вообще никаких подозрений! Потом он смог зайти в купе,

справиться со здоровым, тридцатисемилетним крестьянским мужиком... Да еще и совершить всю казнь... А ведь процесс был долгим, так, что никто из пассажиров вагона не заподозрил ничего подозрительного! И при этом палач, выходец из криминальной среды, исполняющий приговор воров, написал записку абсолютно грамотно, без единой ошибки, и красивым почерком!

– Ты хочешь сказать, что он из образованных?

– Именно! Видимо, в прошлом высокого ранга. Возможно, белый офицер. Не пасующий при виде крови, умеющий убивать, обученный грамоте уровнем выше, чем в церковно-приходской школе... – Петренко рассуждал вслух.

– А это с чего ты взял?

– А вы заставьте любого вора, умеющего писать, что-нибудь изобразить! Попробуйте! Нет, этот человек грамотный и образованный. Да, скорей всего белый офицер, который так сильно ненавидит советскую власть, что пошел служить бандитам.

– А вот это уже совсем серьезно! Белый офицер... – нахмурился заместитель.

– Тут все серьезно! Это убийство уже показывает, что в среде воров происходит раскол.

– Это с чего взял?! – По лицу замначальника угрозыска было видно, что он уже устал и не успевает следить за умозаключениями Петренко.

– Потому, что такого убийства раньше НЕ БЫЛО! – с ударением произнес Петренко. – Я, конечно, завтра же проверю по архиву. Но я запомнил бы, это точно. А значит, повторю, такого убийства раньше не было. Оно произошло в первый раз, и в первый раз воры решились на подобные меры. Это раскол. А раз так, будут еще трупы.

А вот с этим утверждением Петренко его замначальника был полностью согласен.

– Я осмотрю здесь пока все, – сказал Владимир и принял внимательно исследовать купе, стараясь не упустить ничего.

Коллега почти не следил за его действиями, явно погруженный в свои собственные мысли.

Дольше всего Петренко задержался у двери, осматривая ее очень тщательно.

– Интересно... – закончил он наконец осмотр. – На двери свежие зарубки. Что бы это значило?

– А как ты думаешь? – явно без интереса спросил начальник.

– Это не ремонт – замок работает отлично, – бормотал Владимир, рассуждая вслух. – Это просто зарубки, фикция... Сделанные непонятно чем... А, понял! Ну конечно же! – Он хлопнул себя по коленям. – Убийца производил манипуляции с замком двери, чтобы втереться в доверие к Червю, не вызвать у него никаких подозрений! Точно! Он выдал себя за сотрудника поезда – к примеру, проводника! Поэтому Червь и не запаниковал!

– Интересно, – в глазах коллеги появилось какое-то очень странное выражение, но Петренко был слишком занят собственными умозаключениями, чтобы обратить на это внимание.

– Значит, у него еще и отличный актерский талант впридачу... Да, его действительно нужно найти. Знаете что?

– Что? – даже перепугался замначальника.

– Мне нужны адреса людей, которые ехали в этом вагоне. Все. Хочу побеседовать со свидетелями.

– Их уже опрашивали, – отмахнулся тот. – Все показали, что в вагоне не происходило ничего подозрительного. Никаких посторонних не было.

– И все-таки я хотел бы поговорить сам, – настаивал Петренко.

– Ну, хорошо, организуем, – пожал плечами коллега.

После осмотра вагона Владимир поехал в морг. Старый анатомический театр всегда производил на него самое гнетущее впечатление.

Патологоанатом, дежурившим в тот день, был хороший его знакомый. Поэтому он и дал прочитать протокол вскрытия и даже показал тело Червя. Осматривая его, Петренко не обнаружил ничего нового. А протокол вскрытия полностью подтверждал то, что рассказал замначальника в вагоне поезда – время смерти было 3 января с 5 до 7 вечера.

– Ну, мне повезло, что именно вы проводили вскрытие, – улыбнувшись, сказал Петренко. – А какую-то странную деталь можете припомнить? Вы же меня знаете. Ну, из серии того, о чем не спрашивают?

– Сложно сказать, – задумался врач. – Ну разве что он бросал курить, долго не курил. Не ужинал – содержимое желудка было пустым. Да, и еще – у него долгое время не было полового контакта с женщиной! – оживился он.

– А с мужчиной? – усмехнулся Петренко.

– Вообще не было полового контакта, долго. Наблюдался застой семени. – Патологоанатом не улыбался.

– Вот это уже интересно! Обычно все бандиты таскаются по дешевым бабам. Недостатка в бабах они не испытывают. Да и деньги у Червя были… И в лагере он давно не сидел, в смысле в тюрьме… Это значит, что он жил в сильном нервном напряжении. Так нервничал, что было ему не до баб… Или боялся, что из-за нервов с бабой ничего не получится, такое тоже может быть. А это уже ценная информация! Спасибо, доктор, – искренне поблагодарил Петренко. – Интересно, почему так психовал этот бандит? – Это он тоже произнес вслух.

Глава 4

Мороз в Крыжановке. Одинокая женщина. Старинная икона. Вопрос жизни

7 января 1930 года, колхоз «Черноморская коммуна» (бывший хутор Крыжановка)

К вечеру мороз усилился. Это было то редкое Рождество, когда укутанный плотным снежным покровом мир полностью соответствовал изображениям на старинных рождественских картинках, когда снег и мороз, и звездное небо, и уютный дым через трубу в доме, в котором топится печь...

Но старинные картинки с елками, снегом и ангелочками остались далеко в прошлом. Никто сейчас не праздновал Рождества. Разве что тайком, при закрытых окнах и дверях. Может, именно поэтому природа подарила прекрасную рождественскую картинку настоящего снега и мороза – чтобы напомнить людям о совести.

Но снег чарующе прекрасно смотрелся только на картинках, на старинных открытках. На самом деле все было не так: в реальной жизни большинство дорог сразу превратились в непроходимые препятствия – ни проехать, ни пройти.

Особенно плохо дело обстояло в селах, там с дорогами совсем была печаль, и жители их каждый день с тревогой ждали, что вот-вот полностью будут отрезаны от мира, и даже продукты в магазин привозить не будут...

Снег был красивым, но как бы с печалью предупреждал, что жизнь несовершенна и что думать об этом тяжелее всего именно зимой.

К вечеру, с наступлением темноты, температура воздуха стала стремительно падать. А чуть позже снова начал идти чуть остановившийся снег, еще больше утрамбовывая плотный покров, и без того, похоже, взявший мир в ледяной плен.

Дом на окраине Крыжановки, морского села, стоял поблизости от дороги, на линии жилищ, находящихся вдалеке от морского берега. Был он двухэтажным, добротным, еще старой постройки, из бурого кирпича, с мансардой, добротно укрепленный и утепленный еще с давних времен. Окна почти все были темны – свет ярко горел только в двух крайних первого этажа. Из трубы валил густой дым.

При этом сад перед домом и забор производили впечатление полной заброшенности: доски из забора в некоторых местах были выломаны, деревья запущены, а дорожку, начинавшуюся сразу за старой покосившейся калиткой, похоже, никто никогда не чистил. Но, тем не менее, яркий свет, падающий из больших окон на белоснежный покров, придавал дому ощущение жизни. Особенно, если учесть тот факт, что в ближайших жилищах во всех окнах давным-давно было темно.

Автомобиль с трудом съехал с главной дороги к обочине возле самой калитки и остановился. Окна в доме были плотно задернуты шторами, но, тем не менее, за ними сразу мелькнул черный силуэт человека, явно всматривающегося в темноту.

Но стоял он возле окна недолго. Скоро силуэт исчез. Снегопад усилился. Через мгновение автомобиль из черного стал серым, а затем и вовсе белым, заметенный снежным вихрем, не успокаивающимся ни на секунду.

Прошло еще совсем немного времени, как громко хлопнула дверца машины. Из нее вышла женщина и, тяжело передвигаясь по снегу, двинулась к калитке дома.

Запертая на щеколду, она, тем не менее, открылась без труда. Женщина быстро справилась с нехитрой защелкой и пошла по дорожке по направлению к дому. Собаки во дворе не было: либо сердобольные хозяева в такой снегопад впустили ее в дом, либо ее вообще не держали – в отличие от всех остальных сельских жилищ, в которых почти везде на цепи в будке были собаки.

Так что никто не помешал женщине взобраться на засыпанное снегом крыльцо и побелевшими и дрожащими костяшками пальцев постучать в обитую дерматином дверь.

Дверь эта тоже производила странное впечатление – нетипичное для села. Во всем, во всем этот дом отличался от всех остальных.

Женщина стучала изо всех сил. Но прошло достаточно много времени, пока из-за двери не послышались шаги. Вскоре они замерли, кто-то явно прислушивался. И только через время раздался дребезжащий, старческий, но утрированно громкий голос:

– Кто это? Что вам надо?

– Простите… – В голосе женщины зазвучали слезы. – Простите, пожалуйста. Но мой автомобиль сломался возле вашего дома… Очень холодно… Я замерзаю… Вы не могли бы пустить меня погреться? Может быть, у вас есть телефон?

– Телефон? Вы шутите? – За дверью послышался смех, перешедший в кашель.

– Простите… Мне очень холодно. Может, вы позволите мне войти хотя бы в прихожую?

– Уходите! – раздалось из-за двери. – Я не знаю, кто вы такая и откуда у вас автомобиль.

– Я из Народной милиции. Меня в Фонтанку вызвали, но по дороге началась метель. А машина сломалась. Стало темнеть…

За дверью послышалось уже два приглушенных голоса, было понятно, что там спорят. Затем уже другой голос произнес:

– В Фонтанку в последние дни все время ездит милиция по нашей дороге.

– Вот видите! – обрадовалась незнакомка. – Я не вру!

– Вы одна? И вы управляли автомобилем? Это странно для женщины!

– Да. Я научилась. Шофера не было.

За дверью снова началось совещание. В отчаянии незнакомка опустилась на ступеньки крыльца. Плечи ее заметно дрожали, похоже, теплый платок на голове и цигейковая шубка совсем не спасали от мороза.

– У вас есть оружие? – вдруг спросили из-за двери.

– Нет, – ответила женщина, – я медицинский эксперт при Народной милиции. Я должна была срочно осмотреть улики, которые нашли в Фонтанке на месте преступления. Там преступление произошло.

– Как ваше имя?

– Елена Смирнова. Я раньше в больнице работала врачом.

За дверью опять начали шептаться.

– Очень холодно… – Голос незнакомки стал слабеть, – я ведь только на минутку зайду…

Наконец дверь дрогнула, приотворяясь. В небольшую щель выглянула очень пожилая женщина, лет семидесяти, не меньше. На голове ее был пуховый платок, в руке она держала зажженную керосиновую лампу. Подняв ее повыше, старуха стала светить на незнакомку. Затем зло произнесла:

– Мы не впускаем посторонних в дом!

– Сегодня же Рождество, – совсем слабо возразила женщина, – неужели вы оставите живого человека замерзать на улице?

Хозяйка не выдержала. В лице ее что-то дрогнуло, она распахнула дверь.

– Входите.

Женщина с трудом поднялась на ноги, едва не упав. Старуха подхватила ее под руку.

– Боже мой... Вам совсем плохо! Входите же скорее.

Женщина оказалась в теплой прихожей, где стояла вторая хозяйка, очень похожая на первую, только старше. Сразу было видно, что это родные сестры.

– Раздевайтесь, – старшая помогла женщине снять шубку и размотать платок, – идемте скорее в гостиную! Вам надо выпить горячего чая.

Сестры завели незнакомку в гостиную на первом этаже. Здесь было множество ярко горящих керосиновых ламп, зажженный камин и печь «буржуйка», раскаленная до красноты. В комнате было очень натоплено.

Сама гостиная была убрана с роскошью, которую невозможно было представить в простом сельском доме. Здесь была бархатная мебель, дорогие подсвечники, ковры и даже венецианские зеркала. Но при внимательном рассмотрении было видно, что мебель обтрепалась, светильники потускнели, ковры вытерлись и покрылись пылью, а у одного из зеркал треснула и сломалась рама и уродливо чернеет старый, засиженный мухами остов.

Это были разрушительные следы времени, беспощадно и стремительно уносящие всю эту роскошь из прошлого, и чувствовалась во всем этом глубокая печаль, такая же непроницаемая и плотная, как и снежный покров.

Гостью усадили в кресло, и вскоре старшая из сестер принесла поднос, на котором стояла чашка с дымящимся чаем, а на тарелочке – две плюшки, посыпанные сахарной пудрой.

– Попробуйте, мы сами печем, – без тени улыбки и доброжелательности сказала она.

– Простите меня, – заметно смутилась женщина, – я не хотела нарушить ваш покой.

– Мы не любим непрошенных гостей, – поджав губы, отозвалась младшая из сестер.

– Я понимаю, – кивнула гостья, – я и сама не люблю беспокоить людей. Но я чувствовала себя так, словно умираю.

– Пейте чай, – почти что приказала старшая, – мороз действительно очень сильный.

Незнакомка с аппетитом принялась за еду, искоса бросая взгляды на обстановку гостиной и на сестер, которые уж никак не напоминали сельских жительниц.

Гостья была молода, темноволоса, с красивой короткой стрижкой, достаточно мило-видна, и внешность ее могла бы быть довольно выразительной, если б не слишком бледное лицо и потухший, какой-то блеклый взгляд, выражавший затаенную внутреннюю боль. У нее были глаза человека, в которого выстрелили в упор, а он поднялся по инерции, даже не подозревая, что уже умер. И эта странная особенность заставляла присматриваться к ней более внимательно.

– Я не долго буду вас беспокоить, – женщина наконец оторвалась от еды. – Очень скоро за мной заедут мои товарищи и заберут отсюда.

– Какие еще товарищи? – насторожилась старшая сестра.

– Из Фонтанки. Там сейчас работает бригада уголовного розыска, они живут в селе. Увидят, что я не приехала, отправятся на поиски и найдут мою машину здесь. Зайдут в дом. И я уеду с ними. А машину заберут, когда снегопад чуть прекратится. – Она очень подробно все перечисляла, и было непонятно, кого хочет убедить и успокоить – себя или хозяек.

– Вы так уверены, что за вами приедут? – поджала губы младшая.

– Ну конечно, – улыбнулась незнакомка. – Мои товарищи своих не бросают.

– Ваши товарищи! – с выражением произнесла старшая сестра, и в глазах ее сверкнуло такая ненависть, что гостья содрогнулась.

– Я вас чем-то обидела? Простите, – растерянно произнесла она.

– Не обращайте внимания! – быстро отозвалась младшая. В разговоре повисла напряженная пауза.

– У вас нет собаки? – наконец произнесла женщина, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке из-за странных хозяек дома.

– Нет, – отозвалась старшая, снова поджав губы, – мы не любим собак.

– Мы не из села, – пояснила младшая, – просто живем здесь, потому… Потому, что так сложились обстоятельства.

– Я понимаю, – кивнула гостья.

– Это вряд ли, – отрезала старшая.

После этого в комнате повисло такое плотное молчание, которое уже сложно было нарушить. Так прошло некоторое время. Младшая сестра принялась за вязание, а старшая просто сидела на диване, положив руки на колени и поджав губы.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда с улицы донесся шум подъезжающей машины. Старшая подошла к окну, выглянула из-за штор:

– Похоже, приехали ваши товарищи, – бросила.

– Я же вам говорила! – вскочив с кресла, женщина двинулась к выходу.

– Тогда одевайтесь и идите! – зло отрезала старшая. – Наш дом – не проходной двор! Мы не пускаем к себе посторонних!

– Я сейчас уйду. Понимаю. Благодарю вас за гостеприимство, – ответила торопливо гостья, но одеться не успела – в дверь били кулаком, и мужской голос закричал:

– Вы не видели женщину? Машина ее стоит возле вашего дома! Может, она у вас?

Незнакомка сама открыла двери, с легкостью справившись с замком.

– Что вы делаете… – повернулась к ней старшая сестра, однако было уже поздно – в прихожую ввалились трое здоровенных мужиков с револьверами в руках.

– Что за… – начала было младшая, но тут же замолчала, увидев, что женщина из кармана юбки достает револьвер и направляет на нее.

– Прошу вас пройти в гостиную, – спокойно сказала незнакомка, – и без лишнего шума!

– Бандиты! – взвизгнула старшая, но стоявший рядом с ней мужик пригрозил ей пистолетом: – А ну, пошла! Быстро!

Все вернулись в гостиную.

– Что вам нужно? – Сестры испуганно жались друг к другу, и только старшая могла задавать вопросы, сохраняя хоть какое-то самообладание.

– Вы знаете, что нам нужно. Икона, – ровным, спокойным голосом пояснила незнакомка.

– Нет у нас никаких икон! С чего вы взяли?

– Мне нужна икона, – повторила женщина, – Вера, Надежда, Любовь… И их мать София. Та самая икона, которую вы увезли из Одессы в 1920 году. Вы прекрасно знаете, что за вами следили все эти годы. Поэтому препираться бессмысленно.

– Ах ты тварь… – выдохнула старшая.

– Это тоже бесполезно. Или вы спокойно отдаете икону, и вас никто не тронет…

– Или? – с вызовом отозвалась хозяйка.

– Или… Не спокойно.

Вдруг, рывком, женщина схватила младшую сестру за волосы, притянула к себе и приставила к ее голове пистолет.

– Икону, быстро! – крикнула она. – Иначе я прострелю ей башку!

– А мы еще тебя пожалели… – с горечью сказала старшая, – в Рождество…

– Я ненавижу Рождество, – резко отозвалась незнакомка, – всегда ненавидела. Но… Мне жаль. Ценю вашу доброту. Поэтому и говорю с вами спокойно. Но долго говорить не буду.

– Хорошо. Я принесу. Отпусти ее!

– Вот когда принесешь, тогда отпущу. Ты, идешь с ней! – скомандовала женщина одному из бандитов.

Прошло минут десять, и старшая сестра вернулась с иконой.

– Будь ты проклята! – глядя на незнакомку, она швырнула ее на стол.

Женщина опустила пистолет и оттолкнула от себя младшую сестру, которая с криком упала на грудь старшей.

Незнакомка медленно подошла к иконе. Это было настоящее произведение искусства! Оклад поражал своим богатством и тонкостью работы. Он был из золота, щедрой рукой талантливого мастера туда были вплетены крупные рубины и бриллианты, а вдоль рамки шла тройная нить жемчуга. Сама же рамка тоже была золотой. Роскошь, богатство и сияние драгоценных камней подавляли нежные и печальные лица святых, которые словно бы с горьким укором смотрели на бандитов.

– Да, это она, – кивнула женщина. – Уходим!

– Не забирайте ее! – Младшая сестра вдруг вскинула к бандитам свое залитое слезами лицо. – Неужели вы не понимаете – это не ценность, это память! Эту икону нужно сохранить, ее нельзя продать! Мы хранили ее все эти годы...

– Прекрати, – резко оборвала ее старшая. – Это же мрази, грязные твари... Бандиты... Нет у них никакого сострадания. И им плевать на нашу память! Не унижайся перед навозом!..

– Мне жаль, – незнакомка нахмурилась, – правда очень жаль. Но... другого выхода нет.

С этими словами, замотав икону в платок, она покинула дом вместе с бандитами. Было слышно, как через минуту взревели двигатели автомобилей.

– Это я виновата... – рыдала младшая сестра, – не надо было ее жалеть... Не надо было выпускать никого в дом...

– Перестань! Они все равно бы пришли, просто по-другому. Ты тут ни при чем. – Старшая сестра подошла к окну, наблюдая из-за шторы, как от дома отъезжают два автомобиля.

Младшая продолжала рыдать. Старшая пошла к выходу.

– Ты куда? – спросила ее сестра сквозь слезы.

– Устала... – странным голосом отозвалась старшая. – Как же я от всего устала... Я сейчас, – и вышла из комнаты.

Прошло время. Младшая сестра успокоилась, вскипятила чайник и решила пойти позвать старшую пить чай. Медленно, с трудом она стала подниматься по скрипящей лестнице.

Вот и дверь комнаты. Толкнула ее. А затем... Зажала рот рукой, пытаясь заглушить дикий крик.

В петле под потолком висела старая женщина. Сняв с крючка керосиновую лампу, она повесилась на бельевой веревке. Ноги ее, с которых спали стертые тапочки, раскачивались в воздухе, а веревка, елозя по крюку, еле слышно скрипела...

До города ехали долго. Машина с трудом пробиралась сквозь снежные заносы загородных дорог, но поскольку это был дорогой, хорошо ухоженный автомобиль с мощным двигателем и большими колесами, победа оставалась за ним – этим тяжелым монстром немецкого автопрома.

Новым в привычках бандитов стало то, что они принялись ездить на дорогих машинах. Это было необходимо и для их жизни, и для дела.

Всю дорогу до города Таня, а это была именно она, сохраняла упорное молчание. Только когда машина въехала во двор убежища Тучи и остановилась возле флигеля, Таран, сидящий рядом с ней, не глядя спросил:

– Ты точно уверена? Ошибки быть не может?

– Нет, – Таня покачала головой, – это та самая икона. Туча спасен.

– Неужели она стоит семь тысяч? – поразился Таран.

– Десять, – вздохнула Таня, – но продадим мы ее за семь. Из-за риска. И еще потому, что срочно нужны деньги. Поэтому Туча спасен.

– А знаешь, я впервые в жизни видел, как ты угрожала кому-то пистолетом! – усмехнулся Таран.

— Пистолет был не заряжен, — резко ответила Таня, — и вообще, не вспоминай больше об этом.

Затем она вышла из машины и пошла к Туче.

Идея украсть икону принадлежала именно Тане. Совершенно случайно она получила наводку на нее от одной своей знакомой, встреченной на Привозе. Та рассказала ей о чокнутых сестрах, старшего брата которых, белого офицера, расстреляли большевики. Драгоценную икону сестрам на хранение оставил один священник, слывший чудотворцем. Они, дворянки, вслед за братом едва не попали в застенки ЧК, но спаслись. А потом переехали из Одессы в Крыжановку. Икона все время была с ними.

Сомнений у Тани не оставалось. Она никогда не была религиозной. И если на одной чаше весов находилась непонятная святыня, а на другой — жизнь ее друга, Таня без сомнений выбрала жизнь.

Туча был трезв и деловито расхаживал по комнате, напоминая дикого зверя, запертого в клетке. Пока Таня разрабатывала план, он уже за рубежом нашел покупателя на икону. Контрабандой ее собирались отправить в Румынию, а оттуда — транспортировать дальше.

— Вот, — Таня положила икону на стол и развернула платок, — теперь ты получишь семь тысяч и вернешь пять.

— И вовремя, — Туча остановился, мрачно глядя на нее. — Уже назначили сход.

— Когда? — ахнула она.

— Девятого.

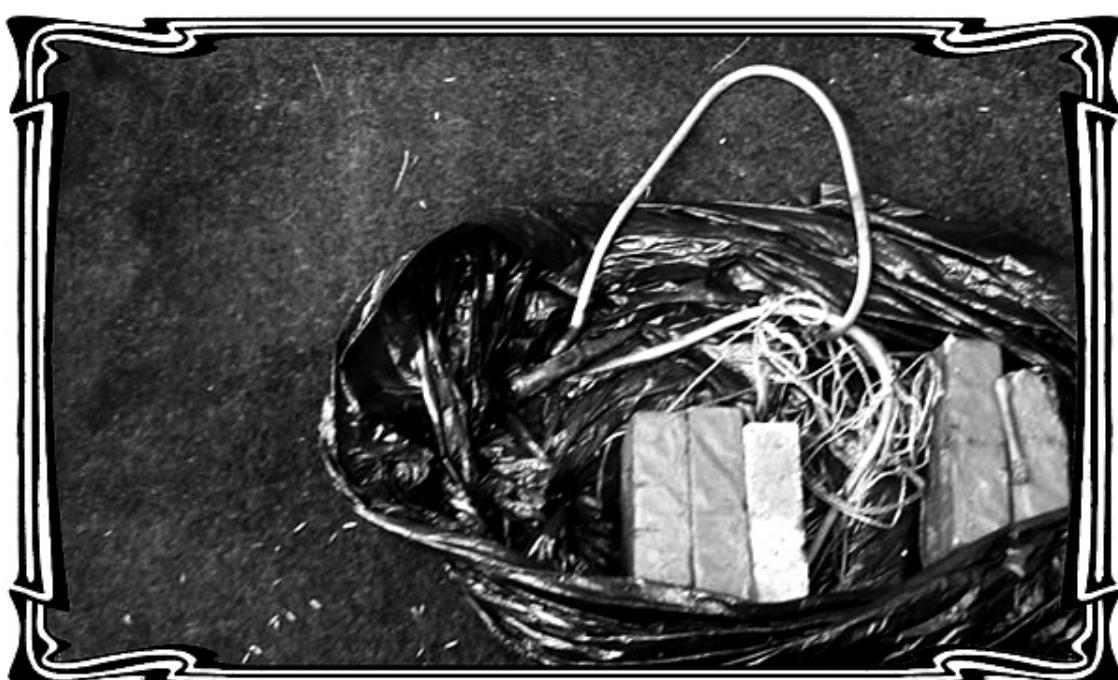
— Через два дня... Ты успеешь? — Таня схватилась руками за голову.

— Успею. Деньги он привезет завтра. Так что все сходится.

— И хорошо! — немного успокоившись, Таня просто рухнула на диван.

— Что хорошего? — воскликнул Туча. — А за горло тварь взять, шо подставила меня? Ухи за того швицера повыдергивать?

— Успеешь, — мрачно отозвалась Таня. — Главное, что тебя никто за горло не возьмет. А на сход я с тобой пойду. Теперь имею право.

Глава 5

Чужой мир катаомб. Крыса? Взрыв. Масти блатных

Впереди была лишь бесконечная пустыня желтых камней. Длинные коридоры тонули в вечном мраке. Вокруг был холод. Стоило только спуститься в самый низ через люк в земле, как коридоры сразу же разветвлялись, образуя столь диковинное переплетение, что разобраться в этом не сумел бы и человек, отлично знакомый с системой подземных ходов.

Это и было особенностью катаомб – бесконечное блуждание попавшего туда в темноте, в вечном холода, пробиравшем до костей. Рассказывали, что люди, вынужденные постоянно спускаться в катаомбы, сходили с ума чаще всех остальных – их преследовали голоса из подземного мира, чьих слов не найдешь ни в одном языке, и голоса эти звучали пострашней звуков из преисподней.

Мир катаомб, мир темных подземелий без просвета и надежды – это был мир враждебный, он отказывался вступать в контакт с живым. Его никто не мог покорить и осознать – в силу непонимания, лежащего за гранью человеческого рассудка.

Старожилы бандитского мира, часто устраивавшие в катаомбах сходки и тайники, прекрасно знали самое важное: в катаомбах нельзя найти ни богатства, ни славы, ничего, кроме вечного равнодушного мрака, наполняющего безумием и отчаянием любую живую человеческую душу.

Человек не может жить под землей. Как бы ни стремился он к отстраненности, к уединению, все равно живая душа тоскует по воздуху, ветру, дождю, туману, по солнцу, по всему тому, что составляет само слово: жизнь. Мрак подземелья – равнодушный, холодный – существовал параллельно, был враждебным ко всему живому, не оставляя места ничему, кроме растерянности и пустоты.

Когда спустились под землю, люк плотно заперли. Там, снаружи, всегда оставались люди на страже – на случай непредвиденного шухера, любой опасности, грозящей тем, что подземное убежище могут обнаружить. Поэтому люк не только плотно закрывали, но и заваливали ветками, досками, дерном, чтобы тщательно спрятать место схода под землю.

Одесские воры освоили катаомбы лучше всех остальных исследователей из научного мира, которые время от времени пытались отправлять экспедиции в царство вечной подземной тьмы. Все эти экспедиции благополучно проваливались – никому еще не удалось составить точную, подробную схему катаомб.

А вот воры и бандиты чувствовали себя весьма свободно в этом природном убежище, успешно прячась здесь во время облав. Поэтому испокон веку сходы воров и бандитов проходили в катаомбах. Там же они устраивали тайники награбленного, держали заложников, похищенных ради выкупа, жили в подземных убежищах месяцами, пытаясь сосуществовать с этим параллельным миром, который хоть и не помогал особо, но и не губил их.

Время от времени любая власть – что царские жандармы, что большевики – пыталась устраивать облавы и замуровывать многочисленные входы и мини, спрятанные в старых домах. Но это было абсолютно бесполезным занятием, пустой тратой времени. Вместо одного замурованного входа в разных местах находились три других, ведь катаомбы тянулись практически под всем городом, их протяженность позволяла все время расширять и находить новые лазейки, а карты катаомб не существовало. Поэтому после бурного начала борьбы с катаомбами власти просто махали рукой, понимая всю нелепость затеи побороть то, что побороть

было невозможно. А потому подземный город под Одессой весьма успешно продолжал жить своей собственной жизнью.

Итак, как только люк был закрыт, трое мужчин зажгли фонарь и стали спускаться по деревянной лестнице вниз, специально приставленной к стене для удобного спуска.

Наконец они оказались в небольшой нише, из которой брали начало два разветвления коридоров – направо и налево. Тот, кто держал горящий на масле фонарь, запалил от него две свечи и раздал своим спутникам.

Тонкое дрожащее пламя зажженных свечей осветило бесконечные желтые камни. Мужчины пошли медленно, испытывая небывалое ощущение страха. Лабиринт манил их, но еще сильнее было желание выбраться из него любой ценой, вернуться назад.

Человек с фонарем уверенно свернул налево, провел своих спутников по узкому коридору, затем – снова налево, а потом – еще раз.

– Ты уверен? – не выдержал один из спутников. – Всегда заправо ходили, а теперь швендаем, как фордабычены... Шо за базар?

– Уймись, – не оглядываясь, бросил человек с фонарем, – за базар отвечаю. Веду за точно, бо там тупик.

– Тупик? – подал голос второй. – А нам шо с того?

– Тупик можно и завалить. Только вот крысу посмотрим.

– А крыса там? – поинтересовался спутник.

– Второй день сидит, как споймали. За то ще не базарили по-хорошему, так, финт ушами... А вот за сейчас поговорим.

– А предъява верняк? – засомневался бандит. – Не будет холоймеса, как за прошлое? А то подняли хипиш на постном масле, а то были лише бебехи заместо управы...

– Не боись, наводка верная. Да и пронумерована крыса!

– Как за то? – не поняли оба, остановившись одновременно.

– А вже увидите!

Впереди послышались голоса, а в коридоре стало светлей. Вскоре трое бандитов оказались в подземной круглой комнате, которой заканчивался коридор. Бандит с фонарем был прав: это был тупик, причем тупик глухой, от которого не было ни одного входа не только в глубь катакомб, но и наверх.

В подземной комнате было достаточно тесно – там толпилось шестеро бандитов. Они практически все говорили одновременно, сопровождая словами свои действия. Кто-то чистил оружие, кто-то пил из бутылки, прямо из горла, дешевое красное вино, отдававшее сивухой, кто-то просто слонялся по узкому помещению без дела, зачем-то касаясь камней...

На полу, прислонившись к стене, сидел совсем молодой парень – лет двадцати, не больше. Лицо его было разбито, из губ сочилась кровь. Нос был неестественно сдвинут в сторону, один глаз полностью заплыл, превратившись в багрово-лиловый синяк, а из второго смотрел страх, превращенный в настоящие слезинки, дрожащие на ресницах.

Парень действительно был страшно напуган. Руки его были связаны за спиной веревкой. Одежда на нем была обычна, как у многих – холщовые темные брюки, клетчатая рубашка, простые ботинки... Рубашка – сильно порванная на груди, с оторванными рукавами, с вырванными с «мясом» пуговицами – в нескольких местах была заляпана кровью.

Было видно, что ему больно и страшно. Полуоткрытый глаз выдавал то, что с ним происходит.

– Здорово, пацаны! – Человек с фонарем бодро вошел в самый круг бандитов и вдруг остановился. – Тю! Вот цей, пошкрябаный? Эй, да вы за шо? Це ж пацан из-под Червя!

– Крыса! – к нему подошел один из бандитов, выгляделевший несколько странно: половина его головы была седой, а другая, наоборот, черной. – Вот, гляди. Да ты поближе подойди, некусается. – Он протянул какой-то документ.

– Книжка красноармейца, – уверенно прочитал вслух бандит, а затем продолжил читать уже про себя, шевеля губами.

– Ничего не понимаю!

– Вот за то и финт ушами! У него дома нашли. Крыса. Заслали к Червю мусора проклятые.

– Да ты погодь… – Бандит задумался. – Червь – то отдельная история. Червь сам общее сдал. Хотел мусорам сдать – хорошо, что не вышло. А цей за шо?

– Червь на мусоров работал, и этот тоже, сопляк… – Седой бандит грязно выругался. – Шавку подослали, суки дешевые! Да ще какую…

– Он же в налете был, за нас… Как так? – подал голос кто-то из стоящих рядом.

– Втирался в доверие, сука. Всех сдать хотел. А Червь эту суку прикрывал. За то как сам Червь давно присосался к красным.

– Туча в курсе? – нахмурился бандит с фонарем. – И за шо сказал?

– В курсе. Сказал, что делать по понятиям. Как положено.

– Ясно. – Бандит подошел к связанному, с силой двинул его ногой в бок. – Шо людям скажешь?

Тот покривился от боли, но ничего не ответил.

– Мои люди его тут помяли немножко, этого чекиста хренового, – хмыкнул седой, – молчит сука. А я вот за шо думаю. Не один он такой. Много крыс по нам шастает. Многих подослали. Суки, ничем не брезгуют. Выловить б за их…

– Так этого спросить надо как положено! – Бандит с фонарем кивнул одному из находящихся рядом: – Пошевели-ка ему пальчики!

Играя ножом, в их сторону двинулся один из бандитов. – Ну, сучонок, колись, сколько вас здесь подослали! – он присел на корточки. Затем рывком поднял связанные руки парня… резко сломал ему палец на правой руке – так, что громко хрустнула кость, ну а потом отрезал его ножом.

Несчастный страшно кричал, воя остался лежать на земле. Бандит рывком поднял его голову за волосы.

– Христом Богом молю, – захрипел пленник. – Не виновен я… Не служил у мусоров… Христом Богом… Родненькие… – Зубы парня выбивали страшную дробь, из разбитых губ стекала слюна пополам с кровью.

– Не скажет сука, только вопить будет, – с сожалением произнес седой. – Не ровен час, набредет кто из лихих людей. В общем, думаю, кончать его надо.

– Ну так и кончим, – вздохнул бандит с фонарем. – Эй, народ, айда к выходу! Шоб ни пса до здеся не осталось, пока будем мусоренка кончать!

Беззлобно ворча и переругиваясь, бандиты потянулись к выходу. Вскоре в помещении остались только седой, мужик с фонарем да один из бандитов. Он держал холщовый мешок. Развернув его, мужик с фонарем быстро обмотал тело парня проводами, между которыми укрепил пакетики с взрывчаткой.

– Шо вы делаете… я… – Парень забился в конвульсиях. – Христом Богом…

– Заткнись, мразь! – Седой кулаком ударил его в лицо, и тот вырубился. Осев, ударился о стену, издав глухой звук.

– Хотел к нам попасть, так пусть вечно сидит здесь, – высокопарно прокомментировал бандит с фонарем. – Пусть свои мусора и собирают его по кусочкам.

Наконец все провода были примотаны. Третий бандит укрепил детонатор.

– Давно надо было этот ход здесь закрыть, – прокомментировал седой. – Теперь есть за шо.

Бандиты быстро пошли к выходу. Когда они уже были возле деревянной лестницы, ведущей к люку, и убедились в том, что все благополучно выбрались наружу, а люк открыт, человек с фонарем нажал кнопку на устройстве, к которому тянулся провод. Раздался взрыв.

Они еле устояли на ногах. Камни зашатались, было похоже, что катаомбы рушатся прямо на глазах. Вокруг стоял страшный грохот, заполнивший все вокруг. Этот грохот словно захватил весь окружающий мир…

Камни летели со всех сторон, буквально сметая людей ураганом из острых желтых обломков. Через минуту все стихло.

– Кончено, – шепотом прокомментировал седой.

– И вход завалили, – человек с фонарем пожал плечами, – и крысу расплющили.

В воздухе все еще стоял отдаленный гул, когда бандиты, больше не разговаривая друг с другом, стали быстро подниматься по лестнице к выходу на поверхность. На земле они тщательно закрыли люк и разошлись в разные стороны, чтобы не привлекать лишнего внимания. Вокруг было абсолютно безлюдно. Не оглядываясь, седой стал карабкаться по холмистой насыпи.

9 января 1930 года, Военный спуск

Поздним вечером Таня и Туча шли по заледенелой дороге Военной балки к спуску в порт, в бывшую Военную гавань, туда, где должен был состояться сход. Здесь находилось множество входов в катаомбы. Военный спуск вообще был одним из интересных уголков старой Одессы.

Эта улица, сейчас называемая Военным спуском, привлекала внимание в первую очередь потому, что никогда не имела одного-единственного названия. В разное время спуск назывался по-разному, и местные жители часто не способны были запомнить все эти названия.

Спуск соединял город с Практической, бывшей Военной гаванью старого порта. Эта крутяя дорога брала начало с самого центра Одессы – Дерибасовской, затем продолжалась по Гаванной улице. И спускалась в самый низ по холму. Первоначально спуск именовался просто Военной балкой. Затем, спустя некоторое время его переименовали в Военный спуск. Позже он превратился в Портовый, Гаванский, Сабанеевский, Сабанеев, Сабанский, Воронцовский, Казенный спуск. Когда-то был даже Портовой улицей, и снова вернулся к Военному. Это название укоренилось в памяти местных жителей, которые, несмотря на многочисленные изменения, всегда именовали этот интересный уголок старой Одессы именно так.

Через Военный спуск проходил Сабанеев мост, построенный еще в 1828 году. И еще один, безымянный, пересекающий Ланжероновскую и Гаванную, построенный в 1810 году и по какому-то историческому капризу так и не получивший названия. Впоследствии этот мост был засыпан и землю утрамбовали для того, чтобы продолжить Гаванную.

Однако частных домов в этой части города не было – на косогоре сложно было строить. Спуск шел под уклон. Кроме этого, строителей подстерегала еще одна серьезная опасность – катаомбы, которых именно здесь было больше всего. Часто дома сползали вниз прямо при постройке. Требовалось достаточно много усилий, чтобы укрепить фундамент, балки и сделать прочными стены.

И все же к началу XX века на Военном спуске началось бурное строительство. Здесь принялись строить частные дома, амбары и склады. Район стал промышленным. В районе Военного спуска жить считалось не престижным, а вот иметь доходный дом и сдавать комнаты в наем – совсем другое дело. Так же на Военном спуске возникло очень много трактиров, магазинов, лавок. Близость порта делала этот район достаточно коммерческим местом. Так появились здесь тайные дома свиданий, гостиницы с сомнительной репутацией. Тут же размещались морские конторы по найму моряков, таможенных маклеров, специализированные магазины по продаже одежды для моряков и всевозможного корабельного инвентаря.

Огромное количество дешевых меблированных комнат сделало Военный спуск достаточно разгульным местом, где вовсю начала процветать преступность. Грабежи, пьяные драки, разбой, ограбления подгулявших моряков были обычным делом. Поэтому приличные жители города избегали появляться здесь с наступлением темноты.

С приходом большевиков к власти в Одессе страсти несколько поутихли, но основа осталась прежней. В погребах и пивнушках процветала контрабанда, продажа наркотиков, привезенных на кораблях. А район по-прежнему считался достаточно криминальным местом, уступая в этом смысле лишь Молдаванке и Слободке.

Понятно, почему это место облюбовали представители криминального мира, чтобы заниматься своими тайными делами.

К своему огромному удивлению, Таня получила приглашение на сход. Впрочем, она не сомневалась, что руку к этому приложил верный Туча, которому так хотелось видеть рядом с собой надежного и верного друга.

По сравнению с прошлыми сходами, в этот раз все изменилось. Правила и порядки были новыми, большевики внесли свои корректировки и в этот мир, и теперь более строго, чем когда-либо, шло разделение по кастам и мастям.

Приглашением на сход служили карты, поделившие всю верхушку бандитов на «черных» и «красных» с соответствующими рангами.

«Черные» означали блатных, наследников далеких одесских бандитов, еще со времен Мишки Япончика и других бандитских, уличных королей. Это были те, кто жил по своим воровским традициям, поддерживая строгие правила и законы, ни разу не сходя с выбранного пути. Высшим рангом были «пиковые». Считалось за честь получить эту масть, но выпадала она не многим.

«Трефовые» означали блатных, которые превратились в денежных тузов, проворачивающих коммерческие операции, больше всех остальных наполня «общак», который воры традиционно именовали общее.

«Трефы» означали деньги. «Трефовые» одной ногой стояли на криминальном дне, а другой – в коммерции, заниматься которой удачно могли только при содействии бандитов. И в бандитской среде появилось достаточно таких людей, мошенническим способом страшно разбогатевших во времена НЭПа. Но «трефовые», хоть и были блатными, считались рангом пониже и во всем подчинялись «пиковым».

«Красные» масти были плохими, они означали сотрудничество с властью, тех, кто осуществлял контакт между представителями власти и блатными, «пиковыми». Таких помечали «бубной». Они не были предателями, они были новым ответвлением, которое создала советская система наушничества и доносительства. Подражая методам чекистов и перенимая тактику у них, бандиты тоже стали засыпать своих людей во властные структуры. Это были посредники, которые при случае могли служить мостом между «черными» и властью. Власти знали в лицо этих посредников, но опасались их трогать, поскольку не хотели окончательно портить отношения с бандитами, «пиковыми».

Появление «бубновых» страшно расстраивало старых «пиковых», хотя они и понимали: для того, чтобы не проиграть в войне, нужно изучать методы противника и действовать, как он.

О выигрыше, о победе речь уже не шла. Было понятно, что большевики пришли к власти всерьез и надолго, что они стоят очень крепко, обеими ногами, на своих позициях. Выиграть у них невозможно. Оставалось только не проиграть в этой войне, хотя бы удержаться на своих позициях, которые было необходимо укреплять любым способом – в том числе и появлением «бубновых».

Ну и наконец «червовые» – самая плохая масть. Это были «черви», «суки», те, кто продался большевикам, был готов доносить, а в тюрьме работал на систему, сотрудничая с властью. В новых условиях червовая масть часто означала смертный приговор. Если кто-то полу-

чал червовую карту, это означало, что на сходе такой человек будет подсудимым, и защищаться ему придется очень серьезно. Очень часто вор, получив такую карту, пытался спастись бегством, но это было абсолютно бессмысленно: сеть воровского мира обладала такой расширенной структурой, что карающая рука могла настигнуть виновного где угодно.

Бегство означало смерть, в то время как храброе появление на сходе, чтобы выслушать предъяву, еще давало шанс на спасение.

Карты были выбраны недаром, они были своеобразной святыней воров. В них играли абсолютно все бандиты – естественно, на деньги, и умение играть в карты повышало авторитет. Хороший вор должен был быть классным, бесстрашным игроком, это тоже придавало ему воровской доблести. В карты играли в тюрьме, на «малинах», в убежищах, в перерывах между делами и празднуя удачное завершение дела. А потому они прочно вошли в жизнь воров, придавая им масть и цвет.

Туча получил пиковый туз, и едва он достал карту, Таня увидела, как он облегченно вздохнул и расслабился. Все эти дни Туча страшно мучился тем, что из-за череды неприятных событий ему могут понизить ранг и перевести в разряд «трефовых». Ранг понижался всегда путем общего голосования среди всех воров и обратного хода не имел. То есть можно было получить понижение и дальше двигаться только вниз, а вот подняться – уже никогда.

Но Туча сохранил свое место, сохранил свое имя, и это означало, что его не винят в череде страшных и печальных событий. В этом была очень большая заслуга Тани, чьей идеей было скрыть недостачу в общем и быстро добить нужную сумму, чтобы Туча мог предъявить всю сумму на сходе и доказать, что он по-прежнему сохранил свою власть.

Сама же Таня, к своему огромному удивлению, получила пиковую даму. Ни на какую масть она вообще не рассчитывала и даже не думала, что ее пригласят на сход. Но, тем не менее, приглашение было получено, и было достаточно высоким, хотя сама Таня подозревала, что к этому приложил руку Туча. Ведь без его влияния и без его слова никто не позвал бы ее на сход.

По традиции, идти к месту схода было необходимо пешком, оставив всю свою охрану и дорогие машины. Вот уже много лет подряд сход проходил в одном и том же месте – в катаомбах под Военным спуском. Одно из помещений было очень удобным. Оно находилось в толще ракушняка, образовалось еще в XIX веке и использовалось как военный и продовольственный склад. Расположено было во дворе дома № 18 по Военному спуску, в одном из самых колоритных дворов Одессы. А само здание в самом центре города было известно как дом Осипа Чижевича и находилось под Сабанеевым мостом.

Через ходы в подземных лабиринтах можно было оказаться на разных улицах и легко, спокойно уйти от любой облавы и погони. Эти залы с высоченными потолками создавали атмосферу мрачного торжества – каждый сход был похож на некий готический спектакль. И Тане, и Туче доводилось уже бывать в этом месте.

На Таню это подземелье всегда производило самое мрачное впечатление – она не любила катакомбы. А вот Туча, склонный к некой театральности, чувствовал себя как рыба в воде.

Они прошли через притихший двор, все окна в котором были темны, спустились в подвал и постучали в наглухо закрытую железную дверь. Она приоткрылась – ровно настолько, чтобы пришедший мог просунуть в щелочку свой пропуск. После изучения пропуска его впускали. Заходить полагалось по рангу, поэтому первым вошел Туча, а Таня – за ним. Проверка длилась не долго. Вскоре они оказались в мрачном, тускло освещенном зале, стены которого тонули в темноте.

Глава 6

Сход. Старые воры. Оправдание Тучи. Найти «крысу»

Ярко горящая лампа в жестяном колпаке, вызывающем в памяти вагонные теплушкы времен гражданской войны, разрухи, ночные кровавые перестрелки, была подвешена за веревку к балке потолка и высвечивала на дощатом столе обширный круг, оставляя в тени лица тех, кто сидел за ним.

В центре круга на тарелках лежали яблоки, апельсины, стояли бутылки с пивом. Туча поморщился, вспоминая старые воровские традиции, когда пиву нечего было делать на сходе. Но время вносило свои корректизы. И в те годы, когда сходы проводили настоящие короли, большинство тех, кто сидел за этим столом, были лишь бояками, уличными беспризорниками, дешевой и пустой воровской шпаной, которую бывалые люди с копейками гоняли за самогоном и пивом.

В зале было не так много людей. То, что их лица оставались в тени, было задумано намеренно – так было всегда. С удовлетворением Таня отметила про себя, что на столе отсутствует колода карт. Появление ее было очень плохим признаком, это означало, что кого-то собираются лишить его положения, либо – что еще хуже – вынести смертный приговор.

Умостившись рядом с Тучей в конце стола, Таня внимательно вглядывалась в лица собравшихся здесь, пропадающие сквозь тень. Многих из них она видела впервые.

Было понятно, что эти люди впервые попали на сход, это были новые воры из областей, держащие в своем подчинении деревни и областные центры. Они заметно нервничали, чувствовали себя не в своей тарелке, не знали, как себя вести, куда деть руки, что и когда говорить, а оттого ерзали на скамье, как нашкодившие школьники, которых в любой момент строгий учитель может дернуть за ухо.

Таня улыбнулась про себя этому сравнению. Да нет никакого строгого учителя! Давным-давно уже нет! Был Японец, своей железной волей держащий в кулаке всю эту свору. Человек, сумевший сделать невозможное: объединить и организовать воров, навести нечто вроде порядка в этом пестром хаосе человечьих отбросов, сделать так, чтобы последние не чувствовали себя обездоленными, а первые еще больше не лезли вперед. И чтобы все вместе, и те, и другие, шли к своей общей цели – обогащению воровским путем и возможности избежать за это ответственности.

Тогда даже в самых отдаленных закоулках и лабиринтах трущоб, в самых низкопробных «малинах» для последних подонков и забулдыг был порядок. Но это было тогда.

Давно уже нет Японца, а место его никто не сумел занять. Оттого в бандитский мир вернулся хаос.

Другой мир... Таня вдруг задумалась – где же ее место в этом мире? Неужели среди этих неумных, малоудачливых деревенских воров, выдвинуться которым, как это ни парадоксально звучит, помогла советская власть?

Тупые и жадные, они начинали свою карьеру, воруя у своих односельчан, людей несчастных и обездоленных, тех, кто не знал пощады ни от банд, ни от войны, ни от советской власти, кто на голом клочке выжженной земли пытался отстоять самое справедливое и тяжелое право – право на жизнь.

Никогда в те, прежние, времена их не посадили бы за этот стол. А теперь они стремились изо всех сил вверх, туда, где природная алчность, жадность и подлость расцветали пышным цветом, давая самые немыслимые плоды.

Никогда не сели бы эти селюки с Тучей и с ворами старой гвардии! Но новый мир означал новые правила. И рядом с Тучей сидело такое вот тупое убийце с поросячими глазками, украсившее свою жирную шею медальоном с цветочками. Не понимая в своей безграмотной дурости, что это не кусок золота, а женский медальон... Таня не смогла бы сесть рядом с таким!

Доблесь нового времени – обирать нищих крестьян, стариков, одиноких женщин, облагать данью просящих милостыню на улицах беспризорных детей... Таня не могла, не хотела жить в этом новом мире. А раз так – где найдется место ей, и есть ли вообще ее место на земле?

Тем временем за столом тек неспешный, ленивый разговор, состоящий из общих фраз. К нему можно было и не прислушиваться, Таня и без того знала его смысл.

Обсуждали последние дела и аресты, да сумму, уходящую в общий котел. Этот мирный, нейтральный разговор не касался опасности, угрожавшей ее другу, и Таня могла не принимать в нем участия. А потому ничто не мешало ей погружаться в свои такие безрадостные мысли.

Она не спускала глаз с сидящих за столом старых и новых воров. Старые, все как один, выглядели уставшими и сильно потрепанными жизнью.

Фрол. Когда-то он держал в кулаке всю Слободку и Бугаевку. Несмотря на свои годы, оставался в форме – грозный стариик с горящими глазами и окладистой седой бородой. Если бы жесткость взгляда и мрачное выражение лица, его можно было бы принять за библейского патриарха. Фрол был человеком старой гвардии, начинал свою карьеру еще при Японце, долго был другом и Тучи, и Мишки. Уверенно пошел в гору благодаря суворой справедливости и жесткости решений. Он и сейчас умел управляться с людьми, и сейчас держал всех в кулаке, и, как ни парадоксально это звучало, но и Слободка, и Бугаевка вдруг превратились в благополучные районы.

Но как бы там ни было – Фрол был уже стариик. Тане подумалось, что ему наверняка лет семьдесят. Жизненные силы стали сдавать, и было понятно, что вокруг него вьется молодое сельское шакалье, пытаясь сдвинуть с пьедестала старого льва, не соблюдая ни порядка, ни закона, ни правил.

Цыпа. Энергичный, нагловатый вор, заведовавший всеми карманниками и домушниками города. Вор удачливый, имевший три ходки в тюрьму, причем самая первая была еще на царскую каторгу. Как он ни хорохорился, но тоже был стар. И в воинстве его, таком пестром и трудноуправляемом, все чаще намечался разброд, от которого Цыпе доставалось на орехи.

Ванька-Калина – давно забравший, унаследовавший титул у покойного Калины, бывшего еще во времена Японца. Вялый, безынициативный, трусливый, всегда готовый согласиться со всеми против всех. Для старой гвардии, такой, как Туча и Фрол, он был скорее обузой, а не опорой.

Несмотря на авторитет, нового Калину невзлюбили в воровской среде, и то и дело возникали перестрелки между его людьми и кем-то из сельских воров, внаглу пытающихся влезть в большой город.

Грач. Таня знала его давно, еще с тех самых времен, когда впервые пришла на встречу к Мишке Япончику в кафе «Фанкони». Грач был среди личной охраны Японца и долго терялся среди самых его верных людей. Он действительно не нарушал ни правил, ни законов, но... После Мишки Грач проявлял просто невероятную жестокость. Он умудрился превратиться в самого отчаянного беспредельщика, каких только видела воровская среда, и очень скоро стал заправлять всеми мокрушниками в городе. Среди воров не особенно жаловали убийц, хотя и пользовались их услугами. Грач занял свою нишу. Его боялись и не любили.

Тане подумалось, что злобность, проявленную Грачом со временем, вполне можно было объяснить свирепостью его характера, который был виден еще при Японце. Вид Грача вызывал у Тани мороз по коже, и она всегда старалась держаться от него подальше.

Новый Цыган – молодой вор, не старше 40 лет, сумевший помимо цыган объединить все этнические группировки, орудующие в Одессе. Никто не знал его настоящего имени, никто не

знал, откуда он появился в городе, но за короткий срок с горсткой своих людей он сумел подчинить себе сначала всех цыган, а затем и остальных, и войти в воровскую среду, унаследовав имя и титул старого Цыгана.

Чем-то он напоминал Тане Мишку Нягу, и потому она не могла на него смотреть. Но от Григория Бершадова, в прошлом – Мишки Няги, его отличала… какая-то прямолинейная порядочность и последовательность, которых никогда не существовало в изощренном, изворотливом уме Мишки. Цыган поступал справедливо, действовал четко, и против его присутствия на сходах никто не возражал, наоборот. Прежним ворам сложно было держать дикие этнические группировки под контролем. Новые бы в этой войне полегли все до одного. Поэтому и был ценен такой человек, как Цыган, сумевший организовать этот пестрый табор.

Впрочем, Таня ему не доверяла. Было у нее какое-то странное чувство, что Цыган играет и нашим, и вашим. Но на горячем его было невозможно поймать. А без доказательств болтать языком в той среде, в которой пришлось оказаться и жить Тане, было пострашней самоубийства. Поэтому она предпочитала молчать и держать свои подозрения при себе.

Вот, собственно, и все, кто остался от старой воровской гвардии в знаменитой бандитской Одессе времен Мишки Япончика, который стал всего лишь красивой легендой на фоне всех этих пороков и страстей.

«Трефовые»… Эти сидели обособленно, держались важно – разбогатевшие аферисты, мошенники, сколотившие себе состояния и тем вошедшие в воровской мир. Они привыкли обманывать всех и вся… и еще не до конца осознали свод воровских законов, по которым западло считалось мошенничать у своих.

Их пришлось учить, некоторых – с помощью людей Грача. И когда немного удалось остановить их денежный беспредел и зашкаливающую алчность, они присмиерили. Но и Таня, и Туча, да и тот же Грач прекрасно понимали, что это ненадолго. Но другого способа избавиться от таких людей не было. А потому старые воры, такие как Фрол, Цыпа, Грач, Туча, все чаще и чаще сетовали на то, что мир катится в преисподнюю.

Таня вдруг подумалось, что всех этих людей, и «пиковых», и «трефовых», да и некоторых «красных», объединяет одно. Об этом они как-то говорили с Володей Сосновским – в один из тех уютных вечеров, когда дышали душа в душу, и Таня чувствовала себя невероятно счастливой, вдалеке от уголовного мира и от всего зла на этой земле.

– Уголовников, криминальных, блатных всегда объединяет одна-единственная черта, – в разгар этого разговора сказал Володя, – это их лживость. Нет более изворотливых и лживых людей, чем те, кто сидел в тюрьме. Если же человек сидел несколько раз, получив сроки по серьезным делам, к примеру, таким, как разбой, то на нем смело можно ставить крест. Как бы он ни лил крокодиловы слезы о том, что попытается исправиться. Тюрьма воспитывает лживость. А потому уголовники – это те люди, которым доверять нельзя.

– Возможно, но… – Таня задумалась, пытаясь найти пример, чтобы возразить Володе, однако в голову ей стали приходить примеры совершенно противоположные, подтверждающие его теорию.

– Вот видишь! – Володя прекрасно умел читать ее мысли, так же, как и она его. – Ты сейчас поняла, что я сказал правду. Еще одна черта таких людей – это их наглость. Если они вздумали подсадить свою жертву на крючок, то ничто не заставит их оставить ее в покое. Поэтому необходимо соблюдать осторожность и помнить главное правило: людям из криминального мира никогда верить нельзя.

И вот теперь эти слова Сосновского предательски всплывали в ее памяти. Всматриваясь в лица сидящих за столом, особенно новых воров, Таня с печалью думала о том, что сам Володя даже не подозревает, насколько он прав.

До Тани, между тем, донеслись раздраженные голоса – говорить за столом начали на повышенных тонах. Разговор изменил направление. Вздрогнув, Таня вернулась в реальность, причем самым болезненным образом – от возгласа Тучи, в котором вдруг прозвучало ее имя.

– Да с чего за здрасьте она под ногами валандается, когда мои люди эту икону два месяца пасли? – раскрасневшись, орал кто-то из молодых воров, имени которого Таня даже не знала.

Речь шла об иконе, с помощью которой она пополнила недостачу в общей сумме воров, но ни единая душа, кроме Тучи, не знала об этом.

– Не борзей, сцыкун деревенский. Пасть захлопни, – грубо, резко, но каким-то уставшим голосом сказала Таня. – Перед сходом, перед людьми готова держать ответ, а не перед тобой, сученок конченый.

Мужик снова заорал, размахивая кулаками, вскочил из-за стола, но тут же по жесту Фрола был усажен на место двумя его людьми.

– Пасть захлопни, – повторил Фрол и тут же обернулся к Тане: – А ты без мурчалки базар гони. Говори, как есть.

– Вот, – она была готова к такому повороту, поэтому вынула из кармана плотно набитый кожаный кошелек, бросила на стол перед Фролом, – на согрев, в общее.

Туча улыбнулся, Грач и Цыпа одобрительно заворчали. Калина сидел с лицом фарфоровой куклы, и Таня поняла, что он под серьезным наркотиком. Фрол, кивнув, взял кошелек. У Тани отлегло от сердца – инцидент был исчерпан.

– А сколько на ход ноги загребла, шоб с красными скурвиться? – вдруг раздался голос от противоположного края стола.

– Ты базар без туфтяка не гони, – сразу отреагировал Фрол. – У тебя есть на нее предъява?

– Нет… – тут же перепугался молодой вор, – да я за так… просто…

– Ты за так языком в родном селе огород копай! – хмыкнул Фрол, и молодой вор затих.

Однако вступил Калина.

– Времена смутные… Тяжко стало на воровском ходу… А Алмазная без ходок до «пиковых» вылезла…

– Я при первом скачке не расколюсь, коль ступила на воровской ход, – резко обернувшись, Таня уставилась в лицо Калине, и тот быстро стушевался от ее взгляда.

– Говори, – скомандовал Фрол, лицо которого стало мрачным. Взгляд его был направлен на Тучу, и Таня внутренне сжалась, понимая, что вот он, самый страшный момент схода.

Туча выглядел очень спокойным, даже бесстрастным, но Таня прекрасно понимала, что за этим спокойствием бушуют нешуточные страсти.

– Вот, – поднявшись из-за стола, Туча поставил на стол саквояж, щелкнул замком. – Общее, что пытался взять Червь. Кто на меня предъяви брал, пересчитайте.

Таня вдруг подумалось, что если бы Володя Сосновский увидел лица воров в тот момент, когда они склонились над такой кучей денег, он еще больше бы укрепился в своей теории. Алчность, прямо-таки животная жажда денег – все это так явственно читалось на их лицах, что было от чего содрогнуться. Даже молодые воры заинтересовались тем, как пересчитывали общак. И только два человека даже не смотрели на деньги, сохраняя ледяное спокойствие. Это были Таня и Туча.

– Все верно, – Фрол захлопнул саквояж, – забирай общее.

– Нет, – Туча решительно покачал головой, – пусть кто другой возьмет. Не до этого мне будет. Ставлю на голос.

Воры засовещались, и в конце концов деньги передали одному из «трефовых», который смертельно испугался такой милости. Все, даже новые воры и «трефовые», знали, что будет с человеком, вздумавшим потратить хоть одну копейку из общих денег.

– Закрыт базар, так? – Туча, внушительно глядя на окружающих, поднялся из-за стола. – Тогда за следующее скажу, и обдумайте слова мои. Червь – получил свое по заслугам, как

приговорили его. Сидор Блондин – на дне в «бетонных ботах». Но Червь не мог докумекать сдать общее один. Среди нас есть крыса.

Поднялся невообразимый шум. Все повскакивали из-за стола, заговорили одновременно. Больше всех сцепились новые воры и «трефовые». Только Фрол и Таня продолжали сидеть за столом так, словно ничего не произошло.

– Предъявы нет, – сказал Туча, когда шум немного стих, – но я готов ответить за базар. Тот, кто пытался забрать общее, тот, кто послал Червя и Сидора Блондина на смерть, – среди нас. Готов подписать под каждым словом.

– Ты докажи… Ответь за базар, – раздалось со всех сторон.

– И я готова поддержать предъявлву Тучи, – раздался спокойный, ледяной голос Тани.

– Свое слово скажу: Туча прав. – Ей не хотелось говорить, но выхода у нее не было. – Общее искал крыса.

За столом вдруг наступила звенящая тишина. Воров словно оглушили эти страшные слова.

– Не работать на власть, – веско, внушительно сказал Фрол, – ничего не сдавать большевикам правилом должно быть! Таким же бетонным, как «бетонные боты» для предателя. Железом написать. Кровью. Ничего не сдавать большевикам.

Все молчали. Веские слова Фрола были опасны, ведь большинство «трефовых» имели контакты с большевиками. Новое правило меняло их статус в низшую сторону.

– Надо за то решить до следующего схода… Крысу найти, – подал голос Цыпа, – а там уже и понимать за все.

Воры одобрительно загудели. Больше всех поддержали Цыпу «трефовые».

– Кто убрал Червя? – Фрол повернулся к Грачу. – Твой руку приложил?

– Нет, – на лице Грача застыло злобное выражение, – сам бы хотел за то узнать.

– Кто убрал Червя? – Фрол, нахмутившись, уставился на Тучу.

– Палач, – не моргнув глазом, ответил Туча, – мой человек. Сам за него нашел. Так постановил сход. А вот за Сидора Блондина был человек Грача.

– Палача надо убрать, – продолжал хмуриться Фрол.

– Нет, – Туча покачал головой, – он пригодится, когда найдем крысу да приговорим всем сходом. Чужой человек. Никто не найдет. Нужен такой палач.

– Ты вот что, Туча, – голос Фрола звучал тихо, но заглушал даже дыхание всех собравшихся за столом людей, – ты первый среди нас, но как постановит сход, так за то и будет. Палач наследил больше всех остальных. Кавалерия большевиков прислана за ним из Москвы. Идут по его следу – значит, по нашему следу. Ты уважаемый человек, Туча. В смутное время общее сохранилось благодаря тебе. Сам знаю, чего это тебе стоило. Но палача надо убрать. Не подвергай опасности всех нас. Ответь народу, Туча.

– Приговорен, – опустив голову, тихо сказал Туча, и все прекрасно поняли, что означает это слово.

Поняла и Таня. Но этот смертный приговор не вызвал у нее дрожи, как и у всех остальных. Она понимала, что Фрол прав. На поимку Палача большевики бросят все силы, а это может привести к Туче. Благодаря Тане он избежал смертельной опасности. Таня определила, что Червь все-таки успел запустить лапу в общак. Если бы открылась потеряя, в краже этих денег обвинили бы Тучу. Но он не был виноват, а мог разделить страшную участь Червя и Сидора Блондина. Поэтому что означал страшный приговор Палачу по сравнению с жизнью ее единственного друга? Таня давным-давно потеряла страх в том мире, где жизнь была гораздо страшней любых страшилок.

Таня вдруг пришла в голову мысль, что она единственная женщина, которая сидит за этим столом. Это было одновременно странно и пугающе. И тем более странно, что это пришло в голову только под конец схода, словно она не ощущала себя женщиной.

А возможно, так оно и было на самом деле. Таня вдруг поняла, что до самого своего конца будет связана с этим миром, и не прервется эта жуткая связь, не исчезнет – никогда. Это был ее приговор – быть вечным изгоем, вечным затравленным зверем, не способным жить, как все.

Горькая обреченность этой мысли в который раз заставила Таню понять: она больше никогда не сможет жить так, как живут обыкновенные люди, нормальная жизнь со всеми печальми и радостями не для нее.

Сход закончился. Воры разбились на группы, все громче начиная переговариваться между собой. Таня знала, что по старой, но еще живущей традиции кое-кто из них сейчас отправится в кабак, в ресторан, чтобы грандиозной попойкой отметить окончание схода. Ни Таня, ни Туча в таких попойках никогда не принимали участия.

– В беде мы, понимаешь? – Фрол подошел к ним в тот момент, когда Таня и Туча уже собирались уходить. – Крыса ведь среди нас, сердцем чую. Чего хочет?

– Власти, Фрол, – сухо ответил Туча. – Большевики хотят власти. Одной. А у нас есть то, до чего они дотянуться не могут. Вот и хотят они забрать ее у нас, эту власть.

Таня поразилась тому, как в момент страха, душевной опасности ее друг четко, грамотно изложил свою мысль – без жаргона, без присущей ему одесской речи, которой он всегда бравировал. Таня давно подозревала, что ее друг не так прост, как кажется.

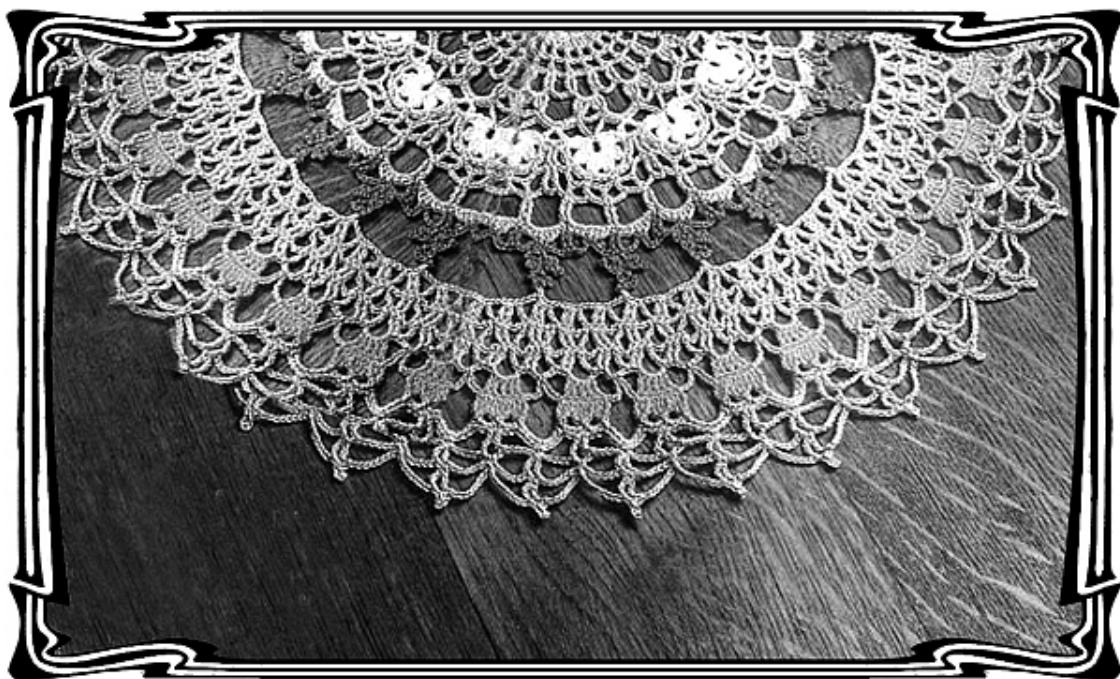
– Ты справишься с этим делом? – в упор спросил Фрол.

– Должен, – нахмурился Туча. – Хотя… – Он помолчал. – Страшное это дело, Фрол, гибельное. Всем нам смертью грозит, тут уж как ни крути.

– Ты боишься смерти? – В голосе Фрола Тане послышалась насмешка.

– Боюсь. И ты боишься, – улыбнулся Туча. – Никому ведь не хочется умирать, разве не так? Только вот от нас это уже не зависит. Кончился старый мир, Фрол. А в новом – какое наше место ты видишь? Среди вот таких? – он повел рукой, горько усмехаясь.

Просто сразу после схода новые воры начали попойку, с шумом и гиканием – они ведь заранее принесли спиртное с собой…

Глава 7

Волшебная комната. Куклы. Вдова чекиста. Золото

Кружевная салфетка была как волшебный фонарь – связанная из разноцветных ниток, она переливалась в солнечном свете всеми цветами радуги.

Петренко уже видел такую игрушку – в далеком детстве. В картоне были вырезаны различные фигурки, внутрь вставлялась зажженная свеча. Основание фонаря начинало вращаться вместе с картоном, и казалось, сказочные персонажи оживают, пляшут на стенах комнаты. Тогда маленький Вова Петренко страшно боялся ведьмы с растрепанными волосами, летящей на метле...

Почему-то именно сейчас его настигло это воспоминание из далекого детства, можно сказать, в самый неподходящий момент. И, немного задержавшись, бесцеремонно проникло в самую душу, чтобы там остаться. Похоже, надолго...

Почему именно волшебный фонарь? Он ни за что не смог бы ответить. Наверное, дело было все-таки в блестящих нитках, которые превращали обыкновенную вязаную салфетку на колченогом столике в волшебную пелерину из детской сказки, полной волшебства! Владимир мог бы поклясться, что в этом переплетении нити были и драгоценные, редкие, золотые, серебряные... В любом случае – блестящие...

В этой небольшой комнатке все было волшебным, как в игрушечном, сказочном замке. Петренко расхаживал по ней, аккуратно ступая между всевозможных предметов, стараясь не прикасаться к ним.

Это было профессиональной привычкой – не трогать вещи на месте преступления, чтобы облегчить работу экспертам. Но здесь было очень сложно себя сдержать.

Сразу было понятно, что эта комнатка в уютной двухкомнатной квартирке на втором этаже трехэтажного доходного дома на Спиридоновской была рабочим кабинетом – посередине ее громоздился большой круглый стол. Впрочем, он был не один – рядом стояли другие столы, правда, чуть поменьше. Как и все остальные, этот был накрыт связанной вручную кружевной скатертью. Когда-то она была белоснежной, но из-за времени потеряла свой первоначальный цвет.

На этом большом столе стояла швейная машинка фирмы «Зингер». Все детали ее были смазаны и работали безукоризненно, и было понятно, что она не простаивает. Чуть поодаль на большом серебряном подносе лежали нитки для вязания и для шитья. Петренко, лишь взглянув на него, определил, что это ценное и старинное фамильное серебро. Впрочем, не он один это понял.

Следователь из прокуратуры, у которого был нюх на такие вещи, тоже уставился на поднос.

– Слыши, Володя, а ты заметил, что убийца не вынес из квартиры такую ценность? Вообще странно, что все ценные вещи в квартире целы! – произнес он растерянно.

– Так он же убийца, не вор, – бросил Петренко, которого страшно раздражала привычка следователя вставлять невпопад такие замечания.

У стены напротив окон стоял кожаный диван – самый обычный, такие, наверное, были почти в каждой квартире.

Только вот вместо семи фарфоровых слоников на деревянной полке над этим диваном, назначенным символом мещанского уюта и служившим вдохновением для сотен советских карикатур, стояли... куклы. Они здесь были повсюду. Попавшие сюда люди оказывались в

настоящем сказочном доме из полузабытой детской сказки. Но сейчас производящей довольно жуткое впечатление...

В комнате вообще было много столиков и шкафов, и все они служили подставкой для кукол. Именно они занимали здесь центральное место. И казалось, что это настоящие обитатели этой квартиры.

Кукол было не просто много, их было множество. Все они были в нарядных и пышных платьицах, с невероятными кружевными зонтиками, с завитыми локонами, в крохотных туфельках из настоящей кожи, сшитыми как раз по крошечной ножке... В каждой из этих кукол поражала деталь, любая, самая мелкая.

Все было создано абсолютно досконально, удивляло точностью, начиная от одежды до лиц, раскрашенных уверенной рукой художника.

Куклы были трех видов: деревянные, связанные вручную на спицах и набитые ватой и самые дорогие – фарфоровые. Вот эти, последние, были настоящим произведением искусства! От их красоты перехватывало дух. И все, попавшие в эту сказочную комнату по такому страшному поводу, прекрасно понимали, что куклы эти стоят целое состояние.

Петренко просто не мог представить себе ребенка, которому вдруг дали поиграть с такой красотой! Нет, скорей всего, эти куклы делались как украшение и покупались взрослыми людьми, ценителями этого искусства, а потом горделиво занимали свое место в застекленных шкафах частных коллекций.

Даже работники уголовного розыска и прокуратуры, выдавшие всех и всё сотрудники правоохранительных органов как-то приумолкли, оставив свои грязноватые, циничные шуточки. Они передвигались по этой сказочной комнате с каким-то непонятным благоговением. Наверное, именно так на простых людей должна действовать работа настоящего художника...

Впрочем, не из-за этой сказки прибыли в эту уютную квартирку сотрудники уголовного розыска. Около полудня в местном отделении милиции, расположенном на Греческой, появилась пожилая женщина и заявила, что из квартиры ее подруги-соседки доносятся крики и подозрительный шум. А на звонки и стук пожилая одинокая женщина не реагирует. По словам соседки, гости в квартире подруги бывали крайне редко, поэтому она заволновалась, ну и просит пойти посмотреть.

Такие совпадения бывают – в это время именно в этом отделении милиции находился Петренко. Он просматривал оперативные разработки по вчерашнему задержанию в притоне внизу Дерибасовской и собирался допрашивать одного ушлого карманника, попавшего, на свою беду, в облаву. Карманник этот платил дань банде Червя. Петренко знал это и хотел побеседовать с ним, так сказать, особо. Хотя сам себе и признавался, что такая мелкая сошка мало что может знать о делах Червя.

Вот тут и появилась пожилая женщина со Спиридоновской. Она умоляла оперативников поскорее пойти с ней.

– Я даже из автомата на улице ей звонила, а она трубку не берет! – говорила дрожащим от слез голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.